

**А Л Е К С Е Й
ШЕРСТОБИТОВ
(ЛЕША СОЛДАТ)**

ЛИКВИДАТОР 2
книга

ПРОЙТИ ЧЕРЕЗ НЕВОЗМОЖНОЕ
исповедь легендарного киллера

Алексей Шерстобитов

**Ликвидатор. Книга вторая.
Пройти через невозможное.
Исповедь легендарного киллера**

«Книжный мир»

2014

Шерстобитов А. Л.

Ликвидатор. Книга вторая. Пройти через невозможное. Исповедь легендарного киллера / А. Л. Шерстобитов — «Книжный мир», 2014

Продолжение скандального автобиографического романа легенды преступного мира Алексея Шерстобитова по прозвищу Леша Солдат. Общественное мнение об Алексее Шерстобитове разделилось. Одни считают «киллера номер один» жестоким убийцей, другие – чистильщиком, поскольку его жертвами становились криминальные главари и олигархи, третьи убеждены, что Шерстобитов действовал по заданию спецслужб. Присяжные заседатели постановили Шерстобитову обвинительный вердикт, но при этом выразили ему снисхождение, что спасло «Солдата» от пожизненного заключения. В итоге, Шерстобитов за двенадцать доказанных убийств получил 23 года лишения свободы. Он получил призрачное право на свободу, но реальное право на раскаянье и исповедь, которую вы и держите в руках. Это жестокая, откровенная книга, написанная кровью и страстью к жизни. «Киллер номер один» – именно так окрестили Алексея Шерстобитова по прозвищу «Солдат». Десять лет его преступления сотрясали новостные ленты. Все знали о его убийствах, но никто не знал о его существовании. Мишенями киллера были крупные бизнесмены, политики, лидеры ОПГ: Отари Квантришвили, Иосиф Глоцер, Григорий Гусятинский, Александр Таранцев... Имел заказ Алексей Шерстобитов и на ликвидацию Бориса Березовского, но за секунды до выстрела последовала команда «отбой».

© Шерстобитов А. Л., 2014

© Книжный мир, 2014

Содержание

Ликвидатор	8
Вместо пролога	8
Александр Фишер и «Золотые яйца»	9
Дети	14
Возможно ли было уйти?	21
Глоцер	23
Размышления на тему – состояние страны	27
ЧИП (Сергей Чаплыгин)	29
Париж, 1997 год	33
«Измайловские» и другие	35
Власть и сила	49
1994 год	55
Братья Пылёвы	57
Олег	57
Андрей	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Алексей Шерстобитов
[Леша Солдат]
Ликвидатор
Книга 2
Пройти через невозможное
Исповедь легендарного киллера

«Алексей с охотой предавался воспоминаниям, с равнодушием патологоанатома, без намека на бахвальство. Его откровенность лишена даже оттенка сожаления, а надгробные плиты, из которых вымощены его девяностые, он не цементировал цинизмом».

Иван Миронов, писатель, кандидат исторических наук, (из книги «Замурованные. Хроники Кремлевского центра»)

«Такой был очень симпатичный, мы даже в него все влюбились».
Лидия Доронина, присяжный заседатель коллегии (из телепередачи «Приговор»)

«У него, вот, присутствовало это обаяние, – это, наверное, от человека зависит каким-то образом... У него очень правильно поставлена речь, его просто было приятно слушать».

Елена Гученкова, Федеральный судья МГС, вынесшая приговор Андрею Пылеву. (из телепередачи «Приговор»)

«Абсолютно вменяемый, лояльный, веселый человек»
Сергей Мавроди, строитель финансовых пирамид (Тюремные дневники)

«Когда он был задержан и подписывал свой протокол... ну как сказать... образно говоря, со „слезами на глазах“ писал свою фамилию, потому что он всю жизнь жил под разными документами, и когда он писал, сказал: „Наконец-то я вспомнил свою фамилию“».

А. И. Трушкин, начальник московского уголовного розыска (из интервью телевизионной программе «Человек и закон»)

«Мы знали, что он убил этого, этого и этого, а доказательств нет, все говорят что Шерстобитов убийца – он всех убил, а доказательств нет... вот и все... все говорят: вроде он убил, а вроде и не он... а кого он убил?! – Да всех, а доказательств нет!»

В. В. Ванин, следователь ГСК СК по Москве (интервью телепрограмме «Человек и закон»)

«Я точно знаю, что Шерстобитов хотел остаться таким „санитаром леса“ в белых одеждах – не получилось! Он сам говорит, что

заслужил Божью кару... Кажется, он мог стать блестящим офицером, но его перемололо одно из самых жестоких десятилетий в России!»
Алексей Пиманов, сенатор, ведущий «Человек и закон» («Человек и закон», интервью А. Л. Шерстобитова)

* * *

Стилистика, орфография и пунктуация автора сохранена

Ликвидатор Книга 2

Вместо пролога

О тебе, обо мне,
О могилах в лесах,
О судьбе на беде
И о наших крестах.

О загубленных жизнях,
Оборвавших струну,
И не сбывшихся днях
Поколенья в бреду.

Мы надрывной мольбой
С пересохнувших уст
Сотрясем Божий дом,
Ведь он ныне не пуст!

Я поставлю свечу
У Распятья в углу
И акафист прочту
На погибель греху.

Назову всех убитых
Своею рукой,
Помяну, об усопших
Моля пред Тобой!

Ты прости нам грехи,
Души наши щадя,
А спася, примири,
В Своё Царство вводя.

Я поставлю свечу...
И акафист прочту...
На погибель греху...
На погибель греху...

Александр Фишер и «Золотые яйца»

Ближе к лету то ли 1996-го, то ли 1997 года своё развитие получила старая история спасения очень талантливого молодого человека. Будучи ещё студентом МГУ, он подавал большие надежды на поприще физики и математики. Там и влип в историю, из которой мы его выручили, конечно, не без выгоды для себя. Уже тогда он занимался оборотом цветных металлов, но ещё только пробуя переходить от ширпотреба на более серьёзную стезю. После, по понятным причинам, я потерял его из вида на некоторое время.

С нашей помощью он организовал компанию, кажется, «Союз-металл», и потихонечку стал забираться всё выше и выше, заботясь об имидже фирмы перед западными инвесторами и банками. «Барклайс Банк» – один из них. Переработка и дальнейший сбыт цветных металлов – прибыльный бизнес, но не дающий моментальной суперприбыли. Вряд ли сам он решил кинуть это кредитное учреждение, но, так или иначе, смог получить кредит в 16 миллионов долларов, которые должны были пойти на осуществление составленной им программы. Следующий же кредит, по возвращению предыдущего, мог быть в два раза больше, но решили остановиться на этом – вот такой бизнес, даже не по-русски, а «по-медведковски».

Эту сумму разделили: половину – Фишеру, а половину – нашему жадному «профсоюзу». Александр переехал жить в Испанию, конечно, под чужим именем и греческим паспортом, в город Марбелья, где я его видел мельком. Не знаю, нравилась ли ему та жизнь, человеку энергичному, рождающему море планов и проектов, так и не реализовавшему свой потенциал, которому просто обрубали крылья. Но на то он согласился сам, опьянев от баснословной суммы. После 2000 года «руководство» задумалось о его доле и попыталось организовать опустошение его счёта, разумеется, безрезультатно. И, как всегда, не подумав перед тем, как пробовать, выманили его в Москву, где и кончилась его жизнь в одном из подъездов дома со снятой для него квартирой. Наверняка, тело его покоится в тех же лесах, что напичканы вывезенными и спрятанными навсегда безымянными останками – жертвами жестоких нравов начала и середины 90-х. Может быть, и стоило ещё тогда, в студенческие годы, лишиться всего и начать всё заново, хотя, возможно, вместо жадных и кровожадных «медведковских» были бы какие-нибудь другие, с не менее приятными аппетитами?

Нашу же долю хитроумные «братья» разделили на пятерых, что называется, основных членов в то время: они сами, ваш покорный слуга, Саша Шарапов – «Шарап» и Сергей Махалин – «Камбала». Что любопытно, доли всем объявили равные, составляющие по 800 тысяч \$ на брата, но было решено (понятно кем), что половину суммы каждый оставит в «общаке», для того чтобы образовать, опять же для каждого, «подушку безопасности» на год. По его прошествии эту сумму по желанию можно будет забрать, поэтому на руки мы втроём, кроме Пылёвых, получили по 400 тысяч, что тоже было приятно. Как вы думаете, во что материализовались остальные средства? Правильно: об этом знают только «братья».

Саша «Шаран» и А. Пылёв – печальные моменты похорон Ананьевского

Через пару лет я хотел купить домик в той же Марбельи, за те же 400 тысяч, которых у меня, разумеется, к тому моменту уже не было. Наскребя по сусекам только половину, за другой обратился к Андрею. Но услышал в ответ: «А чем ты прогантируешь? У тебя же ничего нет, даже фамилии!». Причём я просил не всю сумму сразу, а по 35 тысяч в месяц. Это было после дефолта, «зарплата» упала до 5-10 тысяч долларов в месяц, расходы по работе и безопасности еле вмещались в эту сумму, а мы якобы отдавали предъявленный иск компании «Русское золото» за неуплату НДС, составлявший несколько миллионов «зелёных», причём делали это поровну с Таранцевым. Хороший, знаете ли, бизнес. Не думаю, что я настолько не разбираюсь в экономике, чтобы не понять, насколько у каждой из этих сторон были разнообразные риски во вложениях: у нас – криминального клана, у другой стороны... Впрочем, немногим отличающейся. Думаю, налоги туда входили точно, а почему мы это делали совместно – вообще не ясно. Объяснение, что за совместный бизнес нужно отвечать сообща, могут удовлетворить разве что первоклассника: где совместный бизнес, а где то, что было у нас?! Точно также неясны и те личные кредиты на год от старшего Пылёва лично господину Таранцеву под один из рынков – Пражский. Разумеется, деньги были не лично Андрея, а ссуда возвращена не вовремя, если вообще была возвращена. Потом я долго выслушивал восторги «комбинатора» об уже идущем переформлении этого рынка на банк или какую-то «нашу» фирму, то есть, совсем нашу, с известными и преданными учредителями. Это продолжалось год, пока не вылилось в квартиру в жилом комплексе «Золотые ключи», что недалеко от Мосфильмовской улицы, оформленную на кого-то из его родственников и, конечно, прежде принадлежавшую «Петровичу» (Таранцеву).

Подобные ситуации были лишним доказательством того, что жизнедеятельность «бригады» стала личным бизнесом «братьев». Впрочем, это не удивительное, а повсеместное явление.

Максимальная зарплата у совсем не рядового бойца в лучшие времена доходила до 5 тысяч долларов, в голодные – до двух, у обычных же – от тысячи до двух. По пять получали охранники Олега и Андрея. Мои же «архаровцы» – по 2,5–3,5 тысячи, плюс «на бензин», телефоны, машины и так далее – тогда немалые деньги. Но у моих не было ни риска, ни «стрел», да и вообще их никто не знал. Первым выходом на сцену была Греция, и то всего одна встреча через ворота: взять – отдать.

Но об этом имело смысл говорить лишь до 2000 года. В 1999 году был задержан «Булочник», «усадивший» на скамью подсудимых своими показаниями рядом с собой несколько десятков человек. Хотя он ли виноват?

Всё это могли предотвратить Пылёвы и Ося, но не захотели и, как результат, «сели» рядышком. А вся вина Вовы состояла в том, что он позволял себе говорить на свидетельских показаниях, кроме правды, и что-то придуманное, и то, чему свидетелем он не был, от чего пострадали и некоторые безвинные. Скажем, несколько свидетелей показывали, что человек, находящийся на скамье подсудимых, в момент убийства не был в машине, но судья предпочёл версию именно Грибкова, чем условный срок превратил в настоящий. Я же его осуждать не могу, на моём суде он сказал чистую правду, которой знал чуть-чуть. А претензий, предполагаю, ни у кого не будет – после таких сроков найдется более важное, о чём захочется думать и чем предстоит заняться на свободе.

Грибков – начало конца «медведковских»

А ОПГ, как и любая другая структура, создаются, как приносящие прибыль для приобретения тем больших благ, чем выше ранг. Но если в бизнес-кругах это понятно, то многие «братки» верят в братство и равноправие, что, кстати, прослеживается и в лагерях, хотя здесь есть свои особенности и уже, увы, подёрнутые временем изменения. О каком равенстве может идти речь между семейным и несемейным, больным и здоровым, богатым и нищим, образованным и неграмотным, наркоманом и спортсменом, между имеющим вес в обществе и возможность обеспечить себе более-менее комфортную жизнь как в лагере, так и после него, и бомжом, который, вдруг получив «портфель» «смотрящего», стал курить Winston, хорошо есть и решать чужие судьбы, совершенно чётко понимая, что, выйдя на свободу, опять запьёт и будет сшибать у магазинов мелочь на очередную бутылку. А ведь есть возможность измениться. Не умолчу, разумеется, и о людях, радеющих за настоящее дело, за которое готовы положить голову, придерживающиеся старых традиций. Но, как ни странно, многие, пытающиеся примкнуть к ним и окунающиеся в поросший уже метастазами и изменившийся до неузнаваемости мир лагерных отношений, разглядев в нём не реальность, а зачастую, просто подделку, старается выйти из всего этого и жить особняком. Что-то похожее на старые традиции осталось лишь на Северах и в редких колониях до Урала.

История с Фишером не единичная и не исключительная, их множество. Фирмы, в них задействованные, называли «курицами, несущими золотые яйца», как, скажем, «Марвелл» или

«Союз-металл». Того же типа была история с танзанитами, о которой я узнал после её идиотского окончания и о которой всё-таки надо рассказать.

Суть в том, что, начиная с советских времён, когда СССР обладал какой-то монополией на эти полудрагоценные камни, то ли на обработку, то ли на продажу, взамен на сумасшедшие межгосударственные кредиты, которые Союз раздавал миллиардами, всё это досталось и сосредоточилось в одних руках, владелец которых, испугавшись мощи обладаемого, понял: в одиночку не вытянет. Процент, который он предложил за «крышу» и какое-то участие, был небольшой, но огромный в денежном эквиваленте. При осуществлении проекта можно было больше ничего не делать, так как полученного хватило бы всем участникам от мала до велика, и их детям, внукам и правнукам. Но в процессе разработки «главшпанам» показалось, что со всем можно справиться и самим. И всё бы ничего, но глупость и скупость – попутчики неважные.

Бизнесмена убили, и убили буквально за несколько часов до подписания договора, а без его присутствия иностранные представители свою часть подписывать отказались, даже несмотря на все, казалось бы, правильно оформленные бумаги и имеющуюся доверенность. А золотые яйца, как известно, сами по себе не несутся. Жадность – не порок, а просто диагноз, часто граничащий с идиотизмом! Кстати, во всём объявили виновным молодого человека, проводившего «аудиторскую» проверку и сделавшего вывод, что мы можем справиться сами. Он тоже был из «наших», и уже было начал радоваться, что отошёл от лихих дел, фамилия его Царенко, и лежит он на том же безвестном погосте, где обрели вечный покой и многие другие.

1997 год. Прошло шесть лет. Кем я стал за это время, насколько изменился, к чему привык, и к чему стремился теперь?

Честно говоря, не очень хорошо себя помню в это время. Начался тот год с форсмажора – убийства Глоцера, продолжался подготовкой покушения на «Лучка Подольского» (Сергея Лалакина), «Аксёна» (Сергея Аксенова), Александра Черкасова, прослушиванием его офиса в «Арлекино», проблемами с Чаплыгиным, который уже допивался до таких «чёртиков», что вся работа его шла «коту под хвост», а ребята отказывались с ним работать. Дважды я выкупал его из милиции, потратив 15 тысяч долларов, но основная опасность состояла в том, что он везде болтал, находясь «подшофе», будто был чуть ли не ключевой фигурой в убийстве Солоника, естественно, через «десятые руки» информация дошла до Пылёвых, и мне приказали устранить проблему. Тогда же братья продали свои дома на Тенерифе и купили на материке, на ещё более фешенебельных курортах. Закончился же год приобретением третьего греческого паспорта, о котором никто и никогда не узнает.

Кем я стал? Прекрасно понимая, что тот, кто сделал войну своим ремеслом, не может не быть порочным, а сколько верёвочке не виться, но конец всё равно будет, я очень желал, чтобы всё это закончилось, но не знал, как этого добиться. Скорее всего, я пустил всё это на самотёк. Всё – это значит и дела семейные.

Несмотря на большие затраты, у меня были отложены деньги в достаточном количестве, выбрано и подготовлено место, но я не мог определить подходящего времени. И тут мысль о том, что я стал неотъемлемой частью какого-то большого организма, которая сама отторгнуться не в состоянии, просквозила меня насквозь, пригвоздив, как подошву к полу гвоздём.

Стоило мне задуматься и сделать хотя бы одно движение к отъезду – как всё начинало идти не так, рушиться и становиться опасным, стоило одуматься – и русло выпрямлялось.

Ужасно надоело вести двойственную жизнь, иметь по две машины и снимать по две квартиры одновременно. Мало того, что в обычной жизни это не нужно, что на это уходило в два раза больше средств, квартиру нужно было снять, перевести в неё необходимое оборудование и вещи, а машину купить-продать, и вести все необходимые документы, но еще и занимало массу времени и сил.

Я выходил из дома в одной одежде, садился и ехал в одной машине, не доезжая квартала до стоянки, где припаркована другая, и двух кварталов до другой снимаемой квартиры, доходил до неё, постоянно проверяясь, переодевался, готовясь к «рабочему дню», и шёл ко второй машине, которая была подготовлена непосредственно к работе. Любая встреча в это время представляла некоторую проблему, потому что приходилось проверяться и пешком, и при езде в автомобиле, следуя к месту встречи и обратно. А вечером всё повторялось вновь, только в обратном порядке. Это было не каждый день, но очень часто.

Я не только сжигал свои нервы и деньги, но бешено уставал. В результате такой, постоянно подстёгиваемой дисциплины, а главное – из-за неполного понимания происходящего, напряжение и нервозность передавались хозяйке квартиры и моего сердца. Понимая, что я должен быть вдвойне осторожен, потому что она не только моё слабое место, но и прямая, а главное, короткая дорожка ко мне, объяснить ей или просто сказать, что надо проверять, нет ли слежки, закрывать занавеску, когда включаешь свет, а лучше вообще никогда не открывать, никогда не звонить с домашнего телефона и так далее, было невозможно, но что-то придумать было нужно, и придумывалось, что являлось частыми причинами для обид. Мне приходилось самому проверять, нет ли за ней «хвоста», но как-то я решил это прекратить, напоровшись на встречу с человеком, который в принципе не должен был быть даже рядом с ней.

Это был ещё один нелёгкий период в моей жизни, где основными врагами стали ревность и недоверие и, скажу вам, врагами сильными.

Дети

Я давно перестал ценить свою жизнь, но пока она была – хотел, как и любой, каких-то положительных мыслей, чтобы разбавить негативы. Светлых окошек было не так много, но 1997 год начался одним из них – последней общей поездкой с Ольгой и сыном в заледенелую Лапландию. Идея состояла в желании отвезти сына к, будто бы, настоящему Деду Морозу. Директора турагентства, услугами которого мы все пользовались в лице Ирины, бывшей скорее волшебницей, чем турагентом, с приятным взглядом и стройной фигуркой, моя просьба удивила, но для неё ничего невозможного не было.

31 декабря я разбудил сынишку. Весь предыдущий вечер ушел на поиски видеокамеры и тёплой одежды в чужой, заиндеветшей стране – в спешке мы всё забыли дома, а встречу с таким Дедом снять надо обязательно, да и доехать до него по такому холоду нужно. Так что теперь в шкафу висели три комбинезона, опираясь на три пары валенок, а рядом валялась всякая тёплая мелочь. Выпили чай и уселись в сани, отделанные мехом и запряжённые в... снегоход, они – на одни, я – на другие.

Ехали по низкорослому лесу тундры, с забелёнными деревцами, чуть выше человеческого роста, то поднимаясь, то скатываясь с постоянных сопок, восходящее солнце слепило, сверкали снежные кристаллы, рассыпанные не только по белому ковру, но и облепившие каждую веточку – красота, смешанная с колючим холодным воздухом, полусонным состоянием и предчувствием чего-то необычного и праздничного. Сын не спал полночи в ожидании небывалого – ещё бы, ждал этого дня полгода и забрался так далеко, как никто из нас, его родителей, никогда не забирался. Поворачиваясь и глядя на него, казалось, что сказочного персонажа он ищет, как подвоха, за каждым деревцем, и даже расстраивается, не увидев его за очередным возвышением. Его глаза увеличились и перестали моргать, когда на пригорке, среди деревьев чётко прорисовалась тройка оленей с большими красными санями. Честно говоря, мы, взрослые, и сами открыли рты.

Поднявшись чуть выше, мы все втроём, даже приподнялись на сиденьях – в углублении стоял небольшой лапландский сруб с двухскатной покатой крышей с трубой, из которой валил дымок, и, казалось, пахло чем-то тёплым и сладко-ягодным.

Мы стояли и мялись, не решаясь зайти. Первым не выдержал Илюшка (я уже снимал на видеокамеру), дверь открылась, иии... мы даже сняли шапки, приподняв брови от удивления. Сначала увидели огромный, с пляшущим огнём очаг и шипящий паром здоровенный чайник, висящий на рогатине. Справа, за мощным дубовым столом со скамьями, сидел в могучей, ярко-красной поярковой шубе, с белой, из настоящих волос, бородой, с алыми щеками, настоящий дед и, уж точно, настоящий Мороз. Рядом не хватало только что спасённой Алёнушки.

Мама слегка подтолкнула мальчика, и общение завязалось, дедуля «угадал» желание сына и подарил то, что он хотел. Илюшка не отрывал глаз от финна, владеющего, хоть и с акцентом, русским языком, мы пили вкусный, цветочно-ягодный натуральный чай и через полчаса раскланялись, более чем довольные исполнением общей мечты, о которой мы в своём детстве и думать не могли.

Редкие часы с сыном

По приезду в отель – отдельный трёхкомнатный домик, – разжигая камин, я спросил у помогающего мне сына, чувствовавшего здесь себя как дома (эта хорошая привычка помогать осталась у него и сейчас, во взрослом возрасте), как ему Дед Мороз? Как видно, уже отойдя от сказочности поездки, отрок констатировал, показывая наблюдательность и невозмутимость, узнав мужчину, который вёз нас, сразу после прилёта, в гостиницу: «Нормальный. Я не знал, что Дед Мороз нас и в аэропорту встречал». Не то, чтобы вся поездка пошла насмарку – отдых остался отдыхом, но сказка стала более реальной жизнью, а незатуманенной мечтой с «алыми парусами» надежд.

Да, реальность пробиралась в каждую клеточку не только тела, отогреваемого огнём очага, но и разумом, занятого у каждого из нас троих своими мыслями. Этот Новый Год для нас – мужчины, женщины и ребёнка, – пока ещё семьи, был последним, проведённым вместе.

Сегодня, вспоминая тот день и вечер, пытаюсь понять, чего же мне не хватало, что же мне ещё нужно было, что заставило меня скоро «пропасть» почти на три года, кроме требований безопасности? Ответ прост и банален, хотя вряд ли что-то объяснит постороннему: большее.

Сын – мой отпрыск, рождения которого я ждал с нетерпением, мало того – многие решения были приняты ради его спокойной жизни, нормального питания и комфортного существования. Его и, конечно, жены. Он появился на свет сыном офицера, внуком двух полковников и правнуком третьих. Я был уверен, что он продолжит традицию, но сам сделал первый шаг, чтобы этого не случилось. В год поступления в Суворовское училище, он узнал, кто его отец, но очень расстроился не этому, а внезапно оборвавшейся между нами связи. Я написал письмо, где довольно подробно описал, за что и почему меня постигла такая участь – арест. И ребёнок, достойный лучшего и большего, ответил, что считает: если я так поступил когда-то, значит, не было другого выхода. Фамилию он менять не собирается, и его совсем не смущает, что об этом скажут другие, а карьера и будущая жизнь зависит не от указанных в автобиографии родственников, а от личных качеств, стремлений, связей и стечения обстоятельств.

Гены хорошие – спору нет, но в хорошем воспитании заслуга полностью его матери. Всё, что я мог для него сделать, кроме квартиры (которая сама собой разумеется), – это с десятков поездок на охоту и рыбалку, где мы проводили по одной-две недели вместе совершенно одни, как два увлечённых хобби мужика. Чем больше я уделял ему времени, тем меньше хотел расставаться. Он вёл себя так, словно с самого рождения мы всегда были вместе, хотя и назы-

вал, и меня, и отчима – отцами. Я не заметил в нём ни одного качества или черты характера, не желаемого родителями в его возрасте, и сын удивительно напоминал меня самого в мою бытность школьником, правда, совсем не увлекался спортом. На редкость разумный мальчик, затем юноша, а сейчас уже мужчина, с трезвыми оценками и нестандартным для сегодняшнего дня мировоззрением, я бы сказал, как и у меня, старомодным – не думающий о своей выгоде и тщеславии, но рассчитывающий только на себя. Я убеждён, Илья никогда не пойдёт по моему пути, по одной простой причине – он никогда не попадёт в те ситуации, которыми изобилвала моя жизнь, он как будто мудрее меня, не только в сравнении с днями начала этого пути, но и, кажется, с сегодняшним днём тоже. Конечно и я, в свою очередь, не позволю ситуации развиться до критической и смогу вовремя ее остановить.

Охота – когда охота

В основу наших отношений была заложена правда, это было оговорено ещё в детстве и очень всё облегчало. Мы не часто общаемся сегодня, по понятным причинам, и нечасто переписываемся, но я чувствую, когда он думает обо мне, и знаю: верит мне беспредельно. Сегодня я могу немного, от финансовой помощи он отказывается принципиально, считая, что достижение цели только своими усилиями есть настоящая победа, которой можно гордиться и к которой необходимо стремиться. Думаю, что смогу возместить «сэкономленное» на его воспитании его детям – своим внукам, и кто знает, может, и правнукам.

Ныне я помню каждый день, проведённый с ним, от первого до последнего, и очень надеюсь, что тот последний не будет крайним и далеко не самым лучшим из ещё предстоящих.

История отца и ребёнка продолжается и с моей дочерью. Появление на Божий свет твоего чада в конце четвёртого десятка это не то же самое, что стать отцом в 24 года. Рождение девочки для папы – событие очень его меняющее, но и здесь я не смог воплотить все желания и мечты. Ещё долго она останется для меня маленьким порхающим ангелочком, с щебечущим смехом и отдельными забавными словечками, с выписыванием смешных па, со взглядом, в котором я утопал и был абсолютно счастлив, хоть и предчувствовал надвигающуюся беду. До сих пор в памяти остались её глаза ещё полуторагодовалого ребёнка, но с пронизательностью взрослой женщины, после беспричинного плача, от которого она успокоилась лишь у меня на руках. Я просто прижал её крепко к себе и, не зная, что делать, долго ходил из угла в угол, пытаюсь напевать какой-то мотив в низких тонах и без слов. Со временем всхлипывания пре-

вратились в улыбку, пальцы теребили мои волосы, и казалось, что в её взгляде просматривалось большее понимание происходящего внутри меня, чем я мною самим.

Мы стояли у окна 11-го этажа, был вечер, зима, тишина: отец – профессиональный убийца, и дочь, его маленькая девочка, – возможно, воплощение всего хорошего, что во мне осталось. Всё, что я хочу – чтобы моя жизнь не бросила тень на её судьбу, я очень люблю дочь и сделаю всё для её счастья, вплоть до исчезновения из её жизни навсегда, если потребуется.

* * *

Просматривая сериал, можно вернуть запись назад, разглядеть более подробно и внимательно происходящее, сделать вывод, возможно, правильный и своевременный, а в жизни происходящее сегодня воспринимается иначе, чем будет воспринято завтра, а через год, под спудом происшедшего, вообще по-другому. И в очередной раз принимая решения, конечно, учитываешь прошедшее, но не думаешь о том, что оно когда-то тоже было будущим, которое тоже зависело, в своё время, от делаемого выбора.

Жизнь – не сериал, который можно перематывать, а прожитое мною далеко не однозначно. Мало кому выпало пережить столько сколько мне, и именно «пережить», а не перенести.

О многом можно рассуждать и осуждая, и оправдывая, читая эту рукопись, но точно следующее: это пример жизни человека, на котором возможно понять, а на основе осознанного сделать для себя вывод неустойчивости и размытости грани между плохим и хорошим; неясности противления зла и добра; отсутствия в мире справедливости, как категории присущей обществу в целом, но все же существующей субъективно, завися от действия каждого человека по отношению к другим; о лжи и правде, постоянно занимающих места друг друга, начиная от самого человека в нем же самом, отталкивающиеся и притягивающиеся самооправданием гордыни; о неправде поселившейся в каждом из нас и вызывающей положительные чувства, особенно когда сам человек начинает в нее верить; и обмане, сквозящем ото всюду, что окружает раба Божьего, кроме очевидного, но почему-то не заметного, где даже правду люди умудряются обратить в выгоду.

Лишь пройдя в след в след, с тем же попутным, боковым или встречным «ветром», там же споткнувшись и там же упав, так же поднявшись и так же претерпевая боль, с такой же помощью или, наоборот, перебарывая невзгоды и одиночество под ударами недругов, в те же дни и с тем же настроением, и в том же возрасте можно обрести право рассуждать и осуждать, правда, не забывая о своём (а имеешь ли ты сам право бросить камень).

Если убрать оскомину ужасности, налет некоторого романтизма и кажущейся свободы, то здесь можно разглядеть то, чего необходимо избегать, но главное – понять как! Именно на этом заострив внимание, позволю себе продолжить, в надежде, что делаю это не бесполезно для читателя...

Юлия Гузиенко – погибшая при взрыве на Осеннем бульваре. Её случайная гибель – проклятие автора

...Когда-то я прочитал слова Пастернака, написанные им после посещения передовой и общения с солдатами, сержантами и офицерами, уже несколько месяцев бывшими в бессменной позиционной войне, сидевшими в окопах, в грязи, при постоянных перестрелках и смерти, ходившей рядом. В таком же положении приблизительно находились и мы – я и окружающие меня люди в 90-х годах. Разумеется, со скидкой на сегодняшний день, мирное положение государства, и акцентируя внимание лишь на психологическое состояние: чем дальше, тем больше перестают такие люди осознавать своё положение и начинают несколько по-иному оценивать свои действия. Мир, окружающий их, меняется, ощущение присутствия постоянной опасности со временем притупляется, но интуитивное чувство её становится острее, а реакция на него – моментальной.

И действительно, в суете ежедневности подсознательно слышишь предупреждения о надвигающемся где-то вдалеке катаклизме и, ещё не отдавая себе отчёта, уже предпринимая что-то, что делает более безопасным твоё будущее существование. Но, наряду с этим, ежедневные, однообразные мероприятия надоедают, тем более те из них, которые успели стать привычкой и которых ты уже не замечаешь, но вдруг, задумавшись, понимаешь, сколько времени и сил они отнимают. Суета забирает силы, рациональная рассудительность начинает оправдывать ненужность лишнего, и огромные силы требуются, чтобы восстановить всё на своих местах и придти к прежним мыслям о том, что забота о безопасности с ежедневными проверками, оглядками, наличием разведпризнаков – есть не пустая трата времени, а уже часть жизни, которая эту самую жизнь и обеспечивает.

Подходит момент, когда какая-то случайность подстёгивает, и ты понимаешь, что показавшийся «хвост» – вовсе не слежка, но могла быть таковой. И, в принципе, уже давно прошло то время, когда ты должен попасться, или совершить ошибку и оступиться, или, в конце концов, получить свою пулю, нож или петлю. Но, как только ты проявишь хотя бы микроскопическую лень, и ничего после этого не случится, эта самая лень начнёт точить, перерезать и прокусывать, делая брешь в стене, с таким трудом и скрупулёзностью тобою выстроенной. И если не сейчас, то позже обязательно начнётся обусловленная необходимостью экономия изношенной нервной системы и латание давно прохудившейся ёмкости духовных сил и, как следствие, постепенный отказ от «колец обороны», хотя бы на выходных, праздниках или во время болезни. А если появится какая-нибудь достойная идея, то её воплощение может затмить не только голос интуиции, но и разума, и зависимость от её выполнения будет отодвигать разумные сроки и границы ровно до того времени, пока не случится то, что случится, а оно произойдёт обязательно.

Итак, я был на грани нервного, физического и любого другого срыва. Состояние моё усугублялось поголовным непониманием меня окружающими, хотя бы потому, что я скрывал многое из того, что могло бы поставить все на свои места. Это самое непонимание, впрочем, лишь предполагаемое, находясь под спудом неподъёмных проблем, неразрешимых сложностей, запутанных связей, ограничений и опасностей, стремилось разъединить наши отношения, чтобы все упростить и обеспечить безопасное одиночество, но я нуждался в них, так же как они во мне, а значит я был нужен и жизнь продолжалась.

Правда, глядя на не имевших даже десятой доли, подобного моему багажа, знакомых, друзей, родственников и тех, с кем общался изредка, я удивлялся тому, как слабо они держат удары судьбы, которой должны были быть благодарны за ее мягкие и несложные уроки, а не гири, привязанные к ногам. Как объяснить им, что бывает гораздо хуже? И как рассказать о

том, как это хуже выглядит? Ясно, что это не будет осознано, не принесёт облегчения и пользы, но только всё усугубит. Чтобы быть понятным и понимать их, необходимо было встать на их уровень проблем, нервной нагрузки, мировоззрения, причём нормального, в отличие от моего, но при этом находиться параллельно в том мире, где приходилось жить мне. Двойная жизнь, двойственная сущность, и при этом огромные усилия, затрачиваемые на то, чтобы остаться целым. Лгать, изворачиваться так, чтоб в это верили все без исключения окружающие, не позабыть о сказанном каждому, и притом не поверить в него самому, ведь «хорошая» ложь – это та, в которую начинаешь верить сам.

Порочный замкнутый круг подсказывал, особенно в моменты психовсплесков, что выход один – одиночество. И я порывался неоднократно освободиться от пут своего чувства, но чем усиленнее это делал, тем больше запутывался.

Конечно, это не всё, что у меня было. Вернись я в семью, может, всё бы и встало на свои места... А может и нет. Слишком многое в себе пришлось бы убить. Я уже молчу о том, что был не в состоянии отказаться от большей части моего сердца и, уже раз пытавшись сделать это, потерпел не только фиаско, но и вернувшись, не смог уже заставить ту же «реку», в которую вошёл первый раз, до нашей разлуки. Я не смог бы уйти никогда, не потому даже, что уйдя, подверг бы её опасности, а просто потому, что не хотел и не хочу! Даже когда казалось, что мы явные антагонисты, что мнения наши диаметрально противоположны, а желания несовместимы, тяга только увеличивалась. Возможно, это объясняется тем же, что и существование двух половинок одной монеты, разорванной пополам, где половинки совершенно несхожи, но при соединении подходят идеально и составляют единое целое с той лишь разницей, что разные монеты имеют разный номинал.

Проходящее время делает всё очевидным, показывая, что любой организм состоит из противоречий, и к противоречиям же стремится, а их разнополюсность не направлена друг против друга, но наоборот притягивает, имея разный заряд и разное назначение. Куда бы я ни посмотрел, о чём бы ни подумал, везде видел, что это не несовместимость, а необходимое условие сосуществования людей, не терпящих статичности в отношениях друг с другом, хотя, казалось бы, её желающих.

Об этом можно говорить бесконечно, как и бесконечно слушать, но вы можете спросить: «А как же быть с принципами, о которых я пишу и которые вьелись в мою кровь вместе с молоком матери? Разве можно убить одного, а после убивать дальше?!». У меня нет прямого и честного ответа на этот вопрос. И вообще, если и возможно пролить на него свет, то лишь комплексно, начиная с того, что любой офицер – потенциальный убийца, а если не так, то грош ему цена как профессиональному военному, задача которого сводится не столько к защите, что скорее относится к мотивированному объяснению уничтожения противника, а именно к самому уничтожению живой силы, то есть себе подобных.

Вся его подготовка, начиная с военного училища или, как сейчас принято называть, военных университетов и академий, кроме изучения технических и специальных наук, сводится к привыканию к «чувству локтя», жёсткой дисциплине, ответственности не только за себя и свои поступки при выполнении приказов, но и за жизнь товарищей и подчинённых. Плюс умение командовать так, чтобы подразделение, находящееся в его подчинении: а) выполнило поставленную задачу, причем заметьте, часто любой ценой; б) понесло как можно меньшие потери, где «а» и «б» выполняются только через... убийство. То есть повторюсь: уничтожение живой силы противника и техники, которой он пользуется, и тем успешнее, чем этого противника останется меньше.

Достаточно вспомнить политзанятия советских времён, когда звучали эпитеты в сторону вероятного противника, вызывающие не только отвращение, но и ненависть, злобу, и чем выше уровень замполита, тем выше степень таких вызываемых им чувств. Тогда, всё это слушая и обсуждая в промежутках между «парами», ловил себя на мысли, что даже глазом не моргну,

сколько бы этих самых «воинов империализма» ни было: десятки, сотни или больше, – стрелял бы до последнего патрона. Так кем я был ещё тогда, воспринимая такие мысли как норму?!

Вообще, как вы думаете, зачем человек изобрёл оружие и почему его к нему так тянет? И сильно ошибётесь, если посчитаете, что для обороны. Все войны, начиная аж от племенных в древности до современных локальных и мировых, имеют одну цель – завладение материальными ценностями, полезными ископаемыми, площадями земли и какими-то на них ресурсами или возобладанием над ними, или же с помощью них влияния над кем-то. А те стороны, которые вынуждены обороняться и, как часто бывает, проигрывают, не имели до начала развития боевых действий в отношении не принадлежащих им материальных ресурсов никаких агрессивных замыслов, но просто владели, чем владели и пользовались. В моей семье из предков по мужской линии нет ни одного, кто ни лишал бы жизни себе подобных, служа Отечеству, а первый из них, о ком дошли сведения, служил в войске князя Пожарского, и служил верой и правдой.

Это никого не оправдывает, ничего не объясняет, но даёт начальную часть мотивации, на которую наложилось то, что наложилось.

Однажды мы с моим «точильным камнем» смотрели фильм «Догвилль» в главной роли с Николь Кидман. Декорации почти отсутствовали, всё снималось в павильоне и имело вид фильма-спектакля советских времён, что, собственно говоря, и вывело на первый план игру актёров и саму суть произведения. Чем дальше мы его смотрели, тем большее впечатление он производил. Преображение главной героини из человека, неприемлющего насилие, гуманного и милостивого, настроенного благожелательно к каждому, с готовностью не только помочь, но и взять чужую боль, отдавая последние силы, – в человеконенавистницу, причём стараниями самих же людей, на помощь которым она направила все свои силы. Причём отец, глава мафиозного клана, не задумывающийся перед убийством виновных или невиновных, не смог показать ей грязь всего мира и раскрыть глаза на чёрную сторону душ людей. Дочь оказалась беззащитна, полагая, что каждый человек достоин не только снисхождения, но и обычного человеческого тепла и понимания. Закончилась эта трагедия выстрелами в юношу, предавшего её, и расстрелом невинных, но издевающихся на нею детей, причём курок «спускала» она сама. Девушка не просто примирилась с отцом и его взглядами, но «встала» впереди, красной же линией проходила одна мысль – у каждого своя цена и своя черта, за которую он всё-таки, может быть, переступит. Деньги, положение, спокойствие, любимая женщина, честь, семья, дети, обида, власть, месть... Разница лишь в мотиве, как искре, из которой может разгореться пламя. Список этот может добавляться до бесконечности, но все могут найти что-то, что определит, потерю чего или кого он вынести не сможет.

Кстати, у нас была жёсткая дискуссия, и я не был согласен, что это шедевр по той простой причине (которую, естественно, не озвучил), что многое из увиденного переживал сам, конечно, не имеющее ничего общего с перенесённой героиней, но сама суть перестроения отношений в какой-то мере оправдана, как и знакомая подгонка к существующей действительности некоторых частей сознания. Но, если несчастная дочь мафиози прошла путь только туда, к дикой ненависти в отношении людей, то я всё же прошёл его не до конца, не утонул в ненависти, а сумел остановиться и попытаться предпринять шаги обратно, и если испытываю неприязнь, то, прежде всего, к самому себе.

Но человеку самому это сделать невозможно! Теперь понятно, что полагаясь только на себя и свои силы, моя попытка шагать обратно, не могла быть прыжком вперёд, к спасению! Вот здесь и начинаешь чувствовать подставленную кем-то десницу.

Возможно ли было уйти?

«Вожжи слепые, оцезживающие комара, а верблюда поглощающие».
(Евангелие от Матвея Гл. 23 ст. 24)

«...оставьте их: они – слепые вожжи слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму».
(Евангелие от Матвея Гл. 15 ст. 14)

Уйти от всего, просто сказав: «Ребята, мне с вами не по пути»? Или отказаться, как рассуждают некоторые газетчики или ведущие ТВ программ?

Дело не в том, что они, журналисты, никогда не стояли перед таким выбором и, скорее всего, не будут стоять. Дело даже не в том, что и девяностые-то прошли для них совсем в другом ракурсе, чего, кстати, не скажешь об операх МУРа – те-то, отведя взгляд в сторону, всё понимают и иногда, наверно, молятся, что их жизнь сложилась так, а не иначе. И вопрос для них стоит не в осуждении, а в том, будет ли человек, выйдя на свободу, продолжать прежнее или все же одумался?

Позволю себе продолжить: и дело даже не в том, что что-то нужно написать или сказать, и это написанное или сказанное должно, во-первых, звучать, во-вторых, не выходить из общепризнанных разрешенных рамок, а в том, что невозможно понять со стороны ход мыслей людей, стоящих перед выбором, где на одной чаше весов – преступление, а на другой – страх и цена заведомо неподъёмная. Как примеры и осуждение тому времени лежат и гниют кости тех, кто даже не отказался, а просто высказал некоторое осуждение, причем не содеянному, а необходимости делать это, или недовольства, а иногда просто сделав что-нибудь неудачно!

Только святые могли подобному сопротивляться, становясь мучениками и страстотерпцами. Но начинали они с себя... собою и заканчивали. Мы же слабы и далеко не мудры, зато горделивы и меркантильны. Иногда я ловил себя на мысли, что мне даже нравится, когда люди, испуганные рассказами обо мне и предупреждениями «старшеньких» о том, что этот человек любого найдет и превратит в пепелище не только дом и его самого, но и всю его семью, опускали глаза и отводили взгляд, стараясь не вызвать недовольства или подозрений. В том числе и этим держалась железная и даже репрессивная дисциплина. И, слава Богу, что никого из своих я не искал и в пепелище не превращал. А Олег Пылёв настолько заигрался, что на сообщённые ему сведения следователем в комнате допросов тюрьмы о моем задержании, подошел к окну и с выдохом облегчения сказал: «Наконец-то, теперь хоть к окну подойти можно!» О чем мне и сообщил чуть позже И. А. Рядовский – старший следователь по особо важным делам, наверно, чтобы с улыбкой посмотреть на мою реакцию.

Хотя, чести ради, нужно сказать: одному человеку, а именно Сергею Елизарову удалось уйти без особого напряжения. Правда, он сводный брат обоих Пылёвых и уйдя, оставался на виду, занимаясь частным извозом на своей «Газели».

А вот крестника своего Олег не пожалел, когда тот не просто попытался уйти, но даже в монастырь скрылся. Достал и позаботился о нём как «крёстный отец», даже не предав тело земле на кладбище и не дав его душе последнего облегчения. Подобная же участь постигла и второго крестника. Того, якобы после передозировки наркотиков, вынесли в последний путь в коробке из-под холодильника в потерянном навсегда направлении.

Была ли возможность у «главшпанов» откреститься, уйти в тень и жить на скопленном добре – не мне рассуждать. Знаю, что любой бизнес чахнет без личного надзора, даже если поддерживать его драконовскими методами, а именно так они и сделали. С 1995 года, если не раньше, Андрей не появлялся в России, Олег – очень редко, но метко. Отдай они бразды

правления «Шарапу», «Лысому» или «Шарпею» и «Шульцу» – не факт, что те не захотели бы избавиться от тех, кто их помнил «ником» и «ничем», или не захотели бы сэкономить на их долях, без чего братья вряд ли захотели бы уйти.

История знает лишь единичные подобные случаи: Сулла и Диоклетиан оставили свои посты диктатора и императора, соответственно, последний правда ненадолго. Можно вспомнить Иоанна IV Васильевича, да личность Симеона Бекбулатовича ясно говорит, зачем он покинул трон, а кровавые последствия подтверждают очевидное.

Да и кто бы им поверил – Пылёвы ушли от дел!? Исчезнуть – дело другое, но родственники, а потом власть и неограниченные возможности, сконцентрированные в твоих руках, отдать крайне тяжело. Я исчезал от отца, сестры и остальных родственников на восемь лет, от жены и друзей – почти на три года, в мыслях они меня похоронили, хоть и получали финансовую поддержку якобы от «профсоюза», но скажу вам: исчезни я по сей день – был бы толк, но это 20 лет! Нужна ли такая жизнь?! Фактически я провел 14 лет в «бегах», насыщенных всем, о чем можно прочитать только в книгах, и не дай Бог испытать это на себе кому-либо.

А рядом жили обычные люди со своей спокойной суетой, в разных по благополучности семьях, и я им завидовал, прежде всего, из-за понимания: у меня такого не будет никогда! И несчастная женщина, которая меня полюбит, и сироты-дети, которые от меня родятся! Вот наказание много тяжелее всего, что может придумать изощренный мозг и ощущаемое уже тогда. Хотя надежда теплилась в душе, ведь многим удаётся не только избежать наказания и жить в шикарных условиях, но даже становиться общественными деятелями, меценатами, чиновниками, губернаторами, а то и депутатами – «народными избранниками» и гораздо выше. Но их жизнь в страхе, хоть и наполненная роскошью и показухой, а у меня после суда появилась надежда, может быть, призрачная, но на всё воля Божья.

И, может быть, просуетившись несколько десятилетий в армии, криминале и тюрьме, я смогу обрести семью и покой, конечно, отдавая себя уже не детям и юной, и желанной, а внукам и любимой, и всегда для меня молодой женщине...

Глоцер

Через неделю после моей поездки в Финляндию Андрей попросил перезвонить своему младшему брату. Ничего хорошего это не предвещало и говорило о том, что старший сдался в очередной раз на настойчивые доводы и уговоры Олега. Какую они имели цель, стало понятно после просьбы Олега Александровича, как теперь было принято их называть. Это, правда, не касалось меня, ибо я по-прежнему обозначался третьим, хоть и тайным «братом», что, впрочем, выгодно влияло и на лучшую, по сравнению с другими, оплату.

Мне нужно было встретиться со старым знакомым по Киеву Сергеем Елизаровым – человеком по складу характера простым и интеллигентным и, в принципе, так и не сросшимся с криминалом. На его «девятке» мы проехали по двум-трём адресам, оценивая обстановку. «Неспокойный» брат просил помочь в том, что не получалось у прежних, пытавшихся кого-то (как оказалось, Иосифа Глоцера) устранить.

Я обещал позвонить вечером. Суть же сказанного мне была в экстремальности, сложности и необходимости «убрать» человека до 20 января, а на дворе было 16 число, то есть чистыми оставалось всего двое суток. Местом покушения я выбрал единственное возможное – клуб «Доллс».

С Греции, с момента, когда «Ося» с «Валерьяном» пытались настоять на покушение на «Аксёна», стреляя почти с открытого места, я не любил подобных мизансцен. Мне было известно от Елизарова о человеке, который нам нужен, только то, что он был каким-то криминальным парнем, но имеющим авторитет больше на американском «Бродвее», якобы отмывая деньги здесь, открыв сеть ресторанов «Панда», вышеупомянутое заведение мужских интересов и ещё что-то, сейчас уже не помню.

Судя по написанному гораздо позже в журнале Forbes, прочитанным материалам дела и свидетельским показаниям, когда-то он имел судимость, где и пересёкся с отбывавшим там же наказание господином Таранцевым Александром Петровичем. Там вроде бы и произошёл конфликт, основанный на противостоянии расположенного к администрации лагеря «Петровича» и стоящего ему в пику «Юника», как называл Глоцера Пылёв. На тот момент мне было рассказано только о его криминальном прошлом и о сути причины, которая повлекла необходимость убийства. Олег рассказал об избиении охраной хозяина «Доллса» Таранцева из-за ссоры, возникшей в какой-то фешенебельной бане, где один не хотел уступать другому часы отдыха. На поверку оказалось, что охрана, причём очень серьёзная, имела лишь у «Петровича», а у Глоцера только знакомые, и сам факт столкновения так и не был подтверждён, но это стало известно уже после.

Владелец «Русского Золота» был в бешенстве и, по словам братьев, требовал немедленно сатисфакции, ввиду чего и появилось 20-е число как крайнее, обещанное Олегом, до которого вопрос будет решён. Почему-то он не решился, и обратились ко мне.

Честно говоря, я был в полной уверенности, что «работаю» по очередному «братку», пусть даже и «заморскому», однако внешний вид говорил совсем о другом, при этом рассуждать было некогда, для принятия решения оставались секунды, да и отступить некуда. Полагаю, что судимость в советские времена для человека предприимчивого – вещь неувидительная, а удачное ведение бизнеса никогда не обходилось в те времена без криминала, и на сегодняшний день у меня нет причины думать о «Юнике», как о покойном ныне криминальном авторитете.

Я понимал всю абсурдность назначенного срока – ведь распорядок дня человека явно не зависел от меня, уже не говоря о проверках, определении, графика, отходов, подготовки оружия, да и вообще – я его ещё не видел, но делать было нечего. 18 января машина «Фольксваген каравелла», из которой я предполагал «работать», не завелась из-за холода, и её уже готовили к завтрашнему дню, мы же с Сергеем сделали вылазку в лес, где я отстрелялся с двух стволов,

но на завтра твердо решил взять другой, третий, вообще не предполагая вести огонь, а просто примерить и к дистанции и к манере входа-выхода, и следованию к транспортному средству «клиента».

С утра девятнадцатого, на всякий случай, обежав район 1905 года, Краснопресненских бань, уже знакомый мне, и зоопарка, просмотрев все ходы и выходы, забрался в натопленный минивен. Окна были прозрачные, без тонировки, и не привлекали внимание, даже наглухо зашторенные белыми занавесками. Сергей, почти не пьющий, после вчерашнего затянувшегося застолья практически отсутствовал, легонько похрапывая. В принципе, он и не был нужен, сегодняшняя цель – опознание, и не больше, поэтому был ещё один человек, просто водитель, хоть и доверенное мне лицо на сервисе, но не более того. Вся его задача состояла в заводе дизельного двигателя в этот мороз. В общем-то, благодаря его стараниям, мои машины подерживались в великолепном состоянии, хотя «убивал» я их увлечённо.

Мы ждали несколько часов, пока не подъехал тёмный «Лендровер Дискавери», припарковавшийся у самого входа задним бампером, но оставив место для пешеходов. Открывшимся одним глазом Елизаров опознал появившегося и констатировал: «Он», – и нам осталось лишь дожидаться выхода, чтобы понять, как он происходит. На самом деле, приезд – вход и выход – отъезд – одни из самых важных моментов безопасности охраняемых персон. «Юник», а это был именно он, случайно избежал до сего дня всех попыток покушения на его жизнь, предпринимаемых Алексеем «Кондратом». Кондратьев говорил, что охрана многочисленна, сегодняшней же день показал полное её отсутствие – может, исключение, а может... Оставалось ждать. Стояли мы через широченную проезжую часть, на противоположной от «Доллс» стороне, примерно в 50 метрах от объекта предполагаемого нападения, про себя я отмечал густой поток машин, изредка пропадающий на время красного сигнала светофора. Именно этот фактор и должен был совпасть со временем выстрела, иначе, была велика вероятность зацепить кого-то из проезжающих. Посторонние никогда не должны страдать, чего бы это не стоило, хотя, как показывает мой опыт, такое не всегда реально.

Пока время проходило, я решил примерить оружие и его удобство применения в этой ситуации, вынул мелкокалиберный револьвер с толстостенным матчевым стволом, «отвалил» барабанчик, вставил патроны калибра 5,6 мм, производства «Динамит Нобель» – наиболее мощные из них, и, что важно, ни разу не дававшие осечку за сотни выстрелов, что я с ними произвёл, у гильз с боковым боем это бывает.

Максимальное расстояние, с которого я из него стрелял и не мазал в пачку сигарет – 85 метров, разумеется, в безветренную погоду. Пули ложились в цель уже с несколько ослабленной энергией, и на звук чувствовалось некоторое время между выстрелом и шлепком о мишень, но, несмотря на многое игрушечное в этом оружии, оно мне нравилось, и я часто с ним тренировался. Надеюсь рассмотреть получше выходящего человека, я смотрел не отрываясь, иногда прикладывая пистолет, выбирая более устойчивое и удобное положение для стрельбы.

Зачем я зарядил его? Потому что выработалась привычка: оружие без патронов – не оружие, и если оно вынуто, то должно быть снаряжено боеприпасами, что в данной ситуации, да и не только в ней, оправдалось.

Вообще, если вы видите ствол, не важно, и в каких обстоятельствах, то должны безошибочно научиться определять, снаряжен он патронами или нет, если конечно, есть возможность; стоит он на предохранителе или нет; взведён ли курок, чисто ли дуло по нарезам, лежит ли фаланга пальца стрелка на спусковом крючке и как лежит? Опирается на нижнюю часть затворной рамы или на примыкание спусковой скобы к корпусу? Это может спасти жизнь вам или тем, кто с вами. Многие также скажет поведение, речь и особенный взгляд обладающего оружием или собирающегося им овладеть.

Важно также, как держит человек оружие – либо рукоять, либо цевьё, и как собирается прижать приклад, если он есть, к плечу.

Я находился на сиденье, обращённом спиной относительно движения вперёд, позади водительского, от Сергея и шофёра меня отгораживала плотная шторка с тремя просветами – по середине и по бокам. Жёстко устроившись и плотно закрепив револьвер на согнутой в локте руке, опирающейся на спинку сиденья, прицелился. Наблюдению немного мешало не очень чистое стекло, я попросил сидящего впереди курящего водителя, ссылаясь на дым от сигарет, открыть окно хотя бы на одну треть, затем повторил всю процедуру с прицеливанием, потом ещё, и ещё. И вдруг дверь открылась, и тот, за кем мы следили, вышел.

Некоторые машины из потока часто заслоняли его, но рассмотреть удалось во всех подробностях. Неожиданно проезжающие автомобили исчезли, и улица замерла, как и всё вокруг. Какое-то предчувствие пробежало холодком по всему телу и заставило заработать мозг намного быстрее, обострились все чувства.

Будто специально из дверей выбежал охранник, постучал уже севшему за руль автомобиля и закрывшему за собой дверь, и что-то сказал в приоткрывшуюся щель. Наверное, в этот момент я почувствовал удобство занятой позы, почти всё тело было расслабленно, оставалось лишь ждать преодоления упирающейся в какую-то преграду мысль, она оказалась второстепенной, а именно о двух человеках, сидящих в машине: до этого момента я не воспринимал их как будущих возможных свидетелей, наверное, из-за уверенности, что завтра буду работать один. Кроме того, меня свербила цифра 20 и понимание того, что второго такого случая, если человек из «Ленд Ровера» выйдет (а он вышел, отойдя от машины на несколько метров), и отсутствие движения по линии «прицельная планка пистолета – цель» может больше и не представиться. С этой секунды всё замедлило свой ход. Вдохнув половиной груди и плавно выдыхая, я постарался «пробежаться» мысленно всем группам мышц, чтобы расслабить все тело, в случае правильно занятой позы равновесие будет удерживаться скелетом, стенками и креслами автомобиля, соответственно концентрироваться на выстреле станет проще.

Охранник ушёл, попрощавшись, человек развернулся и направился к захлопнувшейся от ветра водительской двери. Если бы она оставалась в открытом положении, думаю, я ничего не успел бы сделать... Медленно взводя курок, задирая острое жало бойка, тихо, но уверенно, так, чтобы никто не испугался, я сказал две фразы: водителю – «Наклони голову вправо», и обоим, железным тоном – «Застыли...»...

... Человек остановился, протянул руку к замку, на долю секунды застыл, чтобы начать обратное движение, в это время прозвучал слабый звук выстрела, почти весь оставшийся внутри салона, что-то упало у «Ленд Ровера», и осталось неподвижно лежать. Поток машин почти сразу возобновился.

Редко так совпадают столько факторов, ещё реже – ими пользуются, но в случайности я не верю...

Пуля попала точно в место прицеливания, до сих пор вызывая уважение точностью попадания из этого оружия. Один минус – теперь двое сидевших впереди меня стали свидетелями, особенно водитель, но мне пообещали его не трогать, оставив, как всегда, под мою ответственность. Олег был в восторге, как и все остальные, а то, что это случилось за день до назначенного срока, только добавило форсу.

Я уже довольно долго ничего подобного не делал, а это подтвердило мои квалификацию и необходимость, что обезопасило меня ещё на некоторое время. Правоохранительные органы вообще ничего не нашли и остались без единой зацепки. Никто ничего не видел и не слышал. Журналисты назвали произошедшее «идеальным преступлением». Я же произнёс фразу, которую запомнил уже пожилой человек, управляющий автомобилем на обратном пути, он повторил её в своих свидетельских показаниях: «Не переживай, это был тоже бандит, и чем их меньше, тем лучше».

Мы отъехали за угол после нескольких минут ожидания, где я вышел, оставив «Рюгер» Сергею в коробке из-под конфет, с обещанием забрать завтра. Тогда я снимал квартиру в трёх

километрах от места выстрела, и потому решил проветриться, а заодно и обезопаситься проверкой, петляя по уже тёмным улочкам. Я шёл, чисто автоматически высчитывая идущих за мной прохожих, но тщетно, сегодня я был один.

Произошедшее, с точки зрения профессиональной, – несомненно, успех, даже несмотря на двух мужчин, в принципе, ничего не видевших и особо ничего не понявших. Но почему-то меня это не радовало. Ну, не производил увиденный сквозь прицел человек впечатления отъявленного преступника, ни, тем более, «бандюгана» – обычный, удавшийся бизнесмен. Не мне судить о нравственности его бизнеса в предоставлении развлечений в клубе «Доллс», но он точно мне ничем не угрожал, в отличие от опасности, исходившей от стоявших надо мною.

Опять появилось ощущение того, что человек моими руками лишился жизни просто из-за чьего-то каприза. Гришина тень снова нависала, бахвалясь своим бессмертием.

Настроения не было, я не знал, куда податься, и злился на что и на кого угодно: на сегодняшнюю «удачу», на стечение обстоятельств, на Олега, Андрея, Таранцева, которого видел то раз десять, не больше, – забывая, что, прежде всего, злость нужно испытывать по отношению к себе. Всё усиливалось ощущением, что если бы это не сделал сегодня я, то не сделал бы никто, ведь не справился же «Кондрат»... Но потом опомнился, подумав в свое оправдание, что, наверное, сегодняшним выстрелом кого-то избавил от возможности стать случайной жертвой, павшей рядом с «Юником», а сделали бы это обязательно. Олег бы не остановился в любом случае – ведь здесь была задета его гордыня и его честь, в его понимании этого слова.

Всё исправила моя «домашняя фея», несмотря на то, что пришла уставшая после тяжёлого рабочего дня. Наверное, видя моё состояние грозовой тучи, взяла меня за руку, посадила на кухне и устроила быстрый и вкусный ужин. Её особенные глаза, притягивающие взгляд, позволили потопить в них все тяжкие думы и забыться хотя бы на некоторое время.

Как же хорошо, что она никогда не требовала объяснений. В тот вечер меня впервые посетила мысль или, даже не знаю, что это было – какая-то уверенность, вселённая в меня, пытающаяся устроить мою жизнь по-другому, направить в другое русло, всё исправить и спасти. Тогда я понял её следующим образом: пока эта женщина со мной, всё будет хорошо! Именно хорошо, где «хорошо» – все доброе, светлое, вечное. Одно главное условие, отчётливо прозвучавшее в унисон: «Не убивай!».

Сегодня пишу эти строки и ясно понимаю: остановись я тогда... Но сразу нахлынувшие мысли пытаются опровергнуть, уверяя, чем это всё могло закончиться, выстраивая стену из кирпичиков самооправдания.

За «работу» Андрей аннулировал мой долг в 50 тысяч долларов, образовавшийся при неудачной попытке покупки дома в Маремблы – той самой истории, когда мне отказали в кредите из «общака», которого, я так понимаю, к тому моменту уже не было, мотивируя моей финансовой несостоятельностью. Кстати, я случайно знал, что испанский адвокат Алехандро, занимавшийся оформлением сделки, вернул часть из затраченных мною средств в размере 60 000 долларов, но до меня они, странным образом, не дошли. Что поделаешь, бизнес! Эх, знать бы...

Размышления на тему – состояние страны

В Москве время «малиновых пиджаков» уже прошло, переместившись на периферию, кожаные куртки были всегда модны, а бритые затылки кому-то скрывали залысины (ведь время шло неумолимо), а кому-то придавали недостающей брутальности. Достигшие чего-то в общей криминальной массе уже не просто вросли в костюмы, рубашки и галстуки, но и научились их носить. «Зена», «Корнелиани», «Картиджиани», «Бриони» уже не просто что-то им говорили, а стали обязательным атрибутом вместе с дорогими часами, коих имелось у каждого по несколько, дорогих и уже не угнанных автомобилей, охраны при «гаврилке», обращению по имени-отчеству и, как последний писк, – с недвижимостью в Европе или за океаном. Причем каждая бригада и дружественная ей (разумеется, речь идет о «верхушке») выбирали свои страны и города и селились по 3–5 семей, пользуясь, как правило, услугами одного и того же адвоката-мошенника со знанием русского языка и умеющего «лизнуть» где и когда нужно. Последние бессовестно обдирали, зарывались, обогащались и иногда вдруг пропадали.

Вообще, те времена так и можно охарактеризовать – они отличались «вдруг происходящим». Конечно, в основном это касалось чьей-либо жизни – она либо исчезала бесследно вместе с телом, либо покидала его из-за вмешательства извне нескольких граммов свинца. Вдруг друзья становились врагами, вдруг становились нищими, возмещая убытки или моральные потери крепким ребятам, очень дорого ценящим свои нервы. Вдруг вдова какого-нибудь авторитета становилась женой певца или певец – любовником какого-то антрепренёра. Затмевали все «вдруг» превращения секретарши в главу огромного холдинга или мальчика на побегушках, номинально владевшего фирмочкой, – в миллиардера, а чьей-то жены – в депутата или высокопоставленного чиновника.

Но эти «вдруг» никогда не касались остального подавляющего количества граждан РФ. Здесь «вдруг» только жена могла изменить или водка оказаться некачественной.

Условия жизни не улучшились, забота государства не чувствовалась, инфляция поглощала здоровье, а обещания правительства превосходили только быстро дорожающие продукты. Понятие слова «зарплата», так радовавшее раньше своим приближением, поменяло свое значение и звучало теперь, как «издевательство». Подиумы мод переместились в Госдуму, а честь и совесть – в «дом терпимости».

Укравшие курицу или 5 кг картошки получали срока по три года, вместо трех месяцев, поправляя статистику наказаний, вместо избегающих её бандюков, проворовавшихся чиновников и вечно голодных политиков. Интеллектуальная собственность страны в виде «молодых и талантливых» перемещалась на запад в местечки, подобные «Силиконовой долине», а взамен плавно перемещались интересы западных спецслужб, надежно поселяясь в коридорах власти.

Представители России и бывшие ее граждане, круто влияющие на состояние государства и странно принадлежащие почти одной только национальности, стали завсегдатаями «Бильдербергского клуба». Министерства стали меняться своими назначениями, а то и вовсе своим реальным состоянием издеваться над вывесками входа в свои здания. Названия можно было менять смело, заменяя на выдержки из известного или исторического. Ну, скажем: Минздрав – на «Забудь надежду всяк сюда входящий», Министерство обороны – на «SALE»-скидка при распродаже. Министерство образования – на «спасение утопающих дело рук самих утопающих»... И только за счёт фанатично преданных своему делу людей, перебивающихся с хлеба на воду, страна имеет что-то, что ещё можно восстановить.

Церковь Христова православными общинами прирастала к Телу Господню. Многие потерявшиеся в пустоте духовной вновь по-детски открыли глаза на мир и через проблемы, сложности и невзгоды ощутили поддержку ранее неведомой Силы Царя Небесного. И наполнились храмы, и потекли слёзы раскаяния! Многие ли из рабов и чад Божьих раскрыли своё сердце

навстречу любви Божьей или просто предались модному веянию – сие нам не ведомо. Но даже одна настоящая слезинка, выставившего себя напоказ во время службы церковной, и тщеславящегося мецената, губернатора, министра или милиционера, чиновника или преступника, дорогого стоит!

У каждого своя дорога, и всему свое время. И праведный может оступиться, и законченный грешник может спастись, ибо: «В чём Господь найдет нас, в том и будет судить, и праведника, вдруг согрешившего, и грешника, вдруг кающегося». (Архиепископ Сергей Старгородский).

Подобные рассуждения можно продолжать сутками, но книга не о том, а о нашем месте в этом сумбурном круговороте. Какое место в нем занимал я? Мне казалось, что ровно посередине между рвачами наверху и страдальцем-народом. Я был рад, что смог вырваться из безнадежной беспросветности, но, оглядываясь сейчас назад, в ужасе от того, каким путём!

Но всё-таки что-то я мог сделать и от чего-то мог удержаться и удержался. «Человек с ружьем» всегда опасен, тем более чувствующий вседозволенность и бесконтрольность. Безбашенная стрельба сдуревших, зарвавшихся представителей всех классов унесла много жизней и испортила многие судьбы. Я же всегда предпочитал уступить обычным обывателям, не отвечать на дерзости, пакости и подлости, если, конечно, это не граничило с личной безопасностью. Я скорее заступился бы за кого-то, ту же униженную женщину или обиженного старика, чем ответил на хамство против себя. И здесь не только играло свою роль воспитание и привитые принципы, но и понимание происходящего в обществе, и жалость к обычным гражданам, которые элементарно могли сорваться только из-за одного вида моего благосостояния, хотя я и старался особо не выделяться. Подобные случаи были единичны, из которых большинство исходило от начинающих бандюшков, поверивших в себя, и которые, видя перед собой длинноволосого, хоть и крепкого парня, старающегося избежать конфликта, с лексикой без ненормативной брани и блатного жаргона, наступали безоглядно. Если не было свидетелей, можно было и проучить. Такие в миг осознавали, что всё же терять им было чего. А с лишними глазами и ушами скандалов я пытался избежать, ибо в моём положении нелегальной жизни подобный риск был просто недопустим. А ведь сколько таких стычек заканчиваются и будут заканчиваться членовредительством, а то и смертью.

После того, как удавалось уклониться от подобных ситуаций, я был действительно горд собой, хотя и щемила где-то подорванная гордыня.

Единственный раз я не смог сдержаться и наказал двух представителей негроидной расы, и додумался где – на одной из дискотек о. Тенерифа (посещение подобных мероприятий в России было табу). Прилично выпивший, оставив свою даму на танцполе, я спустился в уборную. Конечно, я виноват сам – привычка класть открыто деньги в карман сыграли злую шутку, и здесь торчащая толстая пачка, сложенных пополам долларов привлекла внимание незадачливых грабителей. На выходе из кабинки мне улыбались две чересчур смуглые физиономии с ослепительно белыми зубами, один схватил за плечо, второй, по всей видимости левша, прижал к моей груди раскрытую опасную бритву и, что-то говоря, потянулся к карману. Не знаю, кого они во мне увидели, но две «подаренные» руки хрустнули, правда, для этого пришлось глубоко присесть, от чего порвались штаны, после чего я быстро ретировался не только из туалета, но и, забрав экстренно свою «половинку», вообще исчез из города Плая де Лас Америкас, оставив грабителей в расстроенных чувствах.

Без пореза не обошлось, и я корил себя за несдержанность: ведь в этом помещении могла быть видеокамера, и тогда пришлось бы отвечать за что-то сломанное и побитое, но, разумеется, живое.

Всё обошлось, хоть и не без волнения и не без совсем понятых «моим сокровищем» действий, ведь с её точки зрения ничего страшного в том, что человек оборонялся, не было. И это действительно так, но для того, у кого в жизни всё чисто и не криминально...

ЧИП (Сергей Чаплыгин)

...В это время настал апогей в моих отношениях с человеком, от которого многое зависело, но чем больше я о нём заботился и прощал, тем больше он себе позволял. Чаплыгин был бы неплохим исполнителем по оперативной части, но водка губила любые начинания. Дважды я выкупал его из милиции, планы мероприятий срывались одно за другим, он начал позволять появляться на встречах со мной в пьяном виде. Дисциплина упала, пора было что-то предпринимать.

Я уже был знаком ещё с одним офицером ГРУ в отставке – Александром Погореловым, человеком более интеллектуальным и знающим, чем Сергей и, в принципе, в «греческом» деле сохранность информации – его заслуга, именно благодаря ей и её наличию я смог «спасти» многое, в том числе и тело Солоника.

Этот более чем разумный человек, начитанный и приятный собеседник, высокий красавец, любимый женщинами, был вынужден находиться под ярмом теперь спившегося пьяницы, каждому собутыльнику рассказывающему о своей причастности к убийству Солоника. Бахвальству не было предела и, как я уже говорил, дошло и до Пылёвых. Подобные шутки мало кто понимал, а они тем более.

Меры требовались моментальные. Прежде всего нужно было убрать Сергея из казино в отеле «Ленинградская», где все мои люди работали для прикрытия, числясь в охранной структуре и посещая это место раз в четверо суток. Далее старшим у них я назначил Александра, определив три месяца и тому, и другому как испытательный срок. Недовольству Чаплыгина не было предела, но оправдаться ему было нечем, пришлось терпеть. Объяснять, что жизнь его болтается на ниточке, было бесполезно и опасно, ведь никто из них не сталкивался с мерами наказания, господствующими в нашем «профсоюзе». Можно быть не только избитым, но и оказаться в тюрьме на год-полтора, и такое устраивалось – заодно и хорошая проверка. Своим же я чуть ли не подгузники менял, понимая эксклюзивность нашего квартета и необходимость его сохранности. Дооберегался...

...Вопрос с «Чипом» стоял ребром, к тому же такой носитель информации никому нужен не был. После Греции двоих уже отправили «на тот свет» за гораздо меньшие знания. И в какую ситуацию я попал? С одной стороны чувствовал ответственность за него как человека, которого привлёк, с другой понимал – шансов тем меньше, чем на большее толкало его хмельное эго. Но чтобы попытаться его выручить и самому не «сгореть», оставалось только одно средство – взять все на себя, в противном случае он пропал бы в течении двух дней, скорее всего, обосновавшись на дне Яузы или Москвы-реки в запаянной бочке с цементом, как это было модным в то время. Кстати, подобное захоронение уже никогда не найти.

Всё, что можно было придумать, дав ему шанс, – инсценировать отравление опиатами. Но я не учёл его «убитую» печень и ослабленный алкоголем организм. Переданную мне «отраву» я несколько разбавил, даже отхлёбывал сам на его же глазах. Происходило все в моей машине, напротив магазина «Мегаполис». План якобы состоял в том, что после принятия жидкости и потери сознания его должны были забрать ждущие (разумеется, тщетно) во дворах парни Олега.

Почему нельзя было обойтись без настоящих средств, а просто инсценировать подобное, поговорив с Сергеем? Да потому, что никто не знал, какое решение примет Олег после неудавшегося покушения. Я всегда оставлял возможность утечки информации, тем более в таком случае.

Итак, по моим расчётам, «Чип» просто не должен был потерять сознание, но почувствовать, на всякий случай, себя очень плохо, что в результате и произошло. Через четыре часа общения мы расстались, он пересел в свою «99», купленную мною, и благополучно уехал, чув-

ствуя недомогание. Олегу я сообщил, что ничего не получилось, рассчитывая завтра сказать о том, что Чаплыгин попал в больницу, а дальше попытаться придумать что-нибудь еще. К тому же я надеялся, что этот балбес поймет причины болезни и прибежит с расспросами, где я ему добавлю и жёстко объясню создавшееся положение.

Но... через 10 минут мне позвонили и рассказали об аварии в пятистах метрах от нашего места встречи. Чаплыгин въехал в стоящее на красном сигнале светофора авто, и подчинённые Пылёва забрали его в полуобморочном состоянии. Он ничего умнее не придумал, как «закинуть» в себя сразу после нашего расставания припрятанную бутылку водки. Ситуация вышла из-под контроля, и всё что я мог сделать, это, ссылаясь на огромное количество свидетелей, попросить просто вывезти его в лес, недалеко от военного городка, где он жил, и, надавав тумачков, выбросить в лесополосе. Что можно еще было придумать? Поначалу мысль понравилась Олегу, но сделано было всё с точностью до наоборот. Его завезли в гаражи и только накинули «удавку», как появился патруль ППС и спас его, отвезя в больницу, а молодцов в отделение милиции, откуда их благополучно выпустили через несколько часов.

У пострадавшего хватило ума не говорить или, скорее всего, не было сил говорить, но так или иначе это сыграло роль и заставило поверить в его разумность. Сергей продолжал жить по тому же адресу, и через несколько встреч наши отношения прекратились, несмотря на все его усилия остаться в команде.

На суде он предстал свидетелем, повествующим о своей нелегкой доле, о нищете, которую он испытывал, будучи под моим руководством, о запугивании и о постоянных преследованиях, свалив всё на Александра, которому, кстати, оставался должен 5000 долларов и жену которого, в отсутствие Погорелова, пытался соблазнить, что чуть было не кончилось его преждевременной насильственной кончиной от руки разъяренного мужа.

Та история с отравлением закончилась мирно, я заплатил за ремонт обеих машин, пострадавшим в аварии 4500 долларов, пару раз ещё одалживал ему деньги, но твёрдо отказывал в работе, несмотря на мольбы на коленях взять его обратно, объясняя, что просто чудом удалось сохранить ему жизнь. Это он в конце концов был вынужден признать на суде под градом вопросов моих, адвоката и судьи.

В отношении Чаплыгина мне не за что себя корить и, если раскаяние – это не просто осознание, признание и осуждение своей вины, но и действие наоборот, то это хороший тому пример, который должным образом, наравне с другими, подействовал на присяжных.

Здесь же вспоминается и ещё одна драма, разыгравшаяся сразу после смерти Солоника.

В Греции я познакомился с Юрой, бывшим офицером-десантником, что нас, как обоих бывших кадровых военных, и сблизило, хотя с его стороны, конечно, сыграл роль и меркантильный фактор – он зарабатывал обслуживанием подобных мне, приехавших получить гражданство, посредничеством, поиском недвижимости и устройством других дел. Бизнес шёл неплохо, а главное – стабильно. Дом я приобретать не стал, но в памяти осталось приятное времяпрепровождение.

При моем отлете из Эллады, будучи уже ее гражданином, от благодарности, выраженной в пачке купюр, он отказался, довольствовавшись ранее обговоренным гонораром, и мы стались приятелями. Он и его жена были очень похожи на тех греков, к образам которых мы привыкли в детстве: белокурые, крепкого телосложения, радушные и всегда в хорошем расположении духа – нечего сказать, красивая пара.

Впоследствии он помогал с очередным комплектом документов братьям, Осе и иже с ними, естественно, понимая и зная, кто они, был знаком близко с Солоником.

Всё вместе послужило причиной вынесения решения по нему нашими «главшпанам».

Последний след «Валерьяныча»

После смерти «Валерьяна» Юрий приехал в Москву, гонимый необходимостью получения денег – около 100.000 долларов от Пылёвых за два комплекта паспортов. Спешка была оправданной – греки арестовали супругу, на которую был оформлен дом, найдя при обыске патроны, подходившие к пистолетам разных марок и, на самом деле, принадлежащие Солонику. В Москве Юра искал встречу с должниками, но те выставили барьер, составной частью которого стал и я.

Через своего приятеля Андрея «Ботаника», общего нашего знакомца по Греции, российского таможенника, он вышел на меня и попросил о встрече, которая и состоялась в отеле «Олимпик-Пента-Ренессанс».

Всё бы ничего, но он был отчаянно настроен на получение своих денег, вплоть до сообщения в милицию об эллинской трагедии, причём явно понимая, с чьей подачи это происходило. Мы вспомнили общие поездки, поговорили о перспективах, я задавал наводящие вопросы, ответы на которые ждали боссы, отдал застарелый долг в пару тысяч, и мы расстались, договорившись встретиться через неделю, когда всё прояснится.

Планы правдоискателя были кем-то доложены до меня, поэтому не особенно шокировали, но заставили поморщиться «главшпанов». Уже предполагая, чем это закончится, я взял разрешение на повторную встречу, совершенно чётко понимая, что как носитель информации он неудобен Буторину, а братьям лишь как человек, которому они должны. Я надеялся предупредить, а, в случае утечки, объяснить это желанием освободить Пылёвых от долга менее криминальным путём, что мог бы поддержать Андрей, который всегда приветствовал бескровное решение проблем. Рисковал отчаянно, ведь если Юра не поймет или не захочет понять и не скроется, то перед тем, как его убить (а в случае моей неудачи, сомнения в этом не было), у него могут выпытать все, что он знает.

На втором randevу, пытаясь уговорить обоих, и Андрея-«Ботаника» в том числе, исчезнуть хотя бы на год, даже предлагал денег, но тщетно – жена, оставшаяся в Греции в заключении, была беременна, её ждал суд, чего вынести он не мог, как нормальный мужик.

Уверять капитана-десантника, что ему грозит смертельная опасность, объясняя, что судья учтёт всё, говорить о более цивилизованных тюрьмах, по сравнению с нашими, и о сроке не более одного года оказалось делом неблагодарным. Он не послушал меня даже после того,

как я уже прямо сказал, что его милой жене явно будет тяжелее и хуже, если он вообще пропадет и тем самым оставит её без поддержки, без средств к существованию и без мужа, а дочку без любящего отца, так как, скорее всего, по причинам, которые он хорошо понимает, никто его жалеть не будет, а убьёт. Вопрос только в том – как?!

Таможенника долго убеждать не пришлось, он исчез в тот же день и появился только на суде, как свидетель обвинения, но с показаниями в мою пользу и благодарностью за спасение жизни, чему очень подивились все, от судьи до присяжных.

А Юрий был приглашен на встречу с Пылёвыми якобы мной, причём мой голос по телефону озвучивал «Булочник», он же и убил его по пути в лес. Причём бывшему офицеру после пересечения МКАД объяснили, что шансов у него нет, в машине, помимо его самого, сидели ещё четверо. Он выпил две бутылки водки, и одному Богу известны мучившие его мысли на пути к смерти. Возможно, также как я, мысленно прощался с любимыми женой и дочуркой в день ареста, по пути в МУР, сидя на полу «Газели» со связанными руками и ногами, прекрасно понимая, что никогда их больше не увижу. Но я хоть сижу за содеянное, и они обеспечены всем необходимым. Поэтому «уходя», я уходил с чувством выполненного перед семьей долга. А Юра?! Он не был гибким и терпеливым и пострадал из-за чьих-то ошибок, трусости и жадности.

Париж, 1997 год

В том году я впервые увидел Париж, но умирать не собирался, и очень было приятно от того, что сделал это не один. Если пишут, что Венецию нужно посещать только с любимой женщиной, то о весенней французской столице можно сказать то же самое. Не знаю, как выглядят сегодняшние «Намазы» на Монмартре – Горе Мучеников с прилегающими лестницами, а тогда веял свободный дух ничему не подчинявшихся чувств, которыми ещё в прошлых столетиях насыщались Рембо и Верлен, Ван Гог и Дега, Пикассо и Золя и еще многие, кто хоть раз посетив Париж, обязательно о нем что-то оставили в своем бессмертном творчестве.

Скорее всего, ощущения усиливались близостью дорогого человека и нашей молодостью, вырвавшейся из оков условностей и правил.

С наслаждением мы передвигались только пешком, прошагав весь центр застройки Наполеоновской эпохи. Ширина улиц и окружающая архитектура, улыбочивые прохожие, узнаваемые достопримечательности, о которых что-то можно было рассказать друг другу, вызывали восторг, и казалось понятным, почему многое здесь нашими соотечественниками воспринималось близким сердцу и соединённым мостом Александра Первого во множестве пересечений истории Франции и России.

Многое из прочитанного в юности материализовалось в базилике Сакре-Кёр, в Соборе Парижской Богоматери, Эйфелевой башне, Триумфальной арке, Соборе Александра Невского, Лувре – когда-то королевском дворце, Колонне Трояна и ещё во множестве достопримечательностей, в которых утопает этот город.

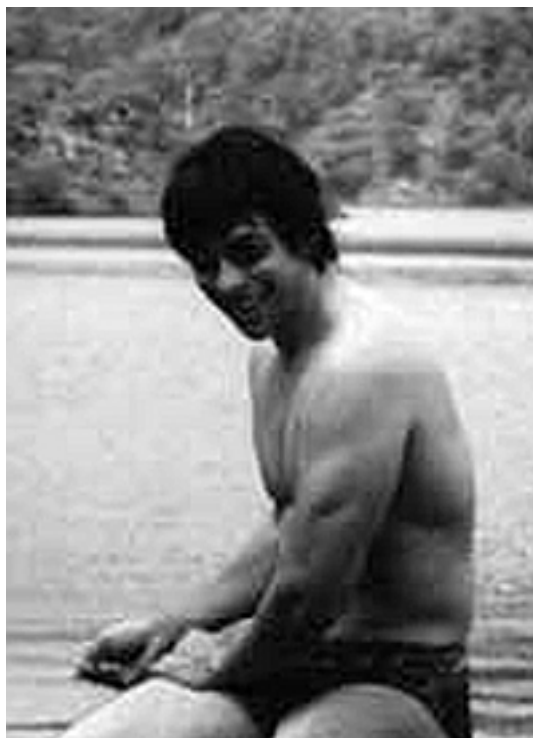
Елисейские поля, где то ли после героической смерти отдыхают великие воины, то ли бурлит жизнь, как и всегда, бурлила, площади Пигаль, Тертр, кабаре Мулен Руж, Лидо – место феерического наслаждения, танцы на грани искусства и эротизма, и прочее, прочее, прочее.

А вечером медленно фланируя по глади Сены на речном трамвайчике, разглядывая пройденное и посещённое днём, сидя в обнимку, с гудящими от приятной усталости ногами на верхней открытой палубе, весело мечтая о возможном будущем, мы действительно становились единым целым, и не только предугадывая одно и то же. Вернётся ли то время? Останется ли Париж прежним? Станем ли мы его желанными гостями, если вообще станем?!

Но как всегда, наступало время и мысли же возвращались к печальным прошлым будням и, разумеется, таким же предстоящим.

Кроме магазинов, магазинчиков и бутиков, посещение которых сопутствует любой поездке, гастрономическая тема во Франции неповторима, хотя я и не сторонник сравнивать, а просто люблю изредка наслаждаться. Здесь я впервые попробовал икру морского ежа, поесть которую можно лишь месяц в году, разумеется, ублажал и обнаружившуюся слабость к устрицам, правда, мы не гурманили с выбором вин, а выбирали средненькое, считая, что аристократом нужно родиться, а не становиться им как-нибудь, или с появлением денег и возможностей, изображая из последних сил, обманывая себя и окружающих.

Неплохо, когда есть возможность красиво одеваться, но лучше удобно и аккуратно. Приятно иметь вычурные дорогие украшения, но для меня предпочтительнее иметь то, чем постоянно пользуешься или то, что имеет для тебя какой-то определенный смысл, или ценность, скажем перстень с чуть голубоватым сапфиром, с отделкой кабошон, через который хорошо виден мальтийский крест...

Редкое ничего не делание

Ну, а пища, само собой, должна быть здоровой, вкусной, свежей и необильной, машина – та, которая обслуживает тебя, а не наоборот, жилище – достаточное, близкое к реальной мечте и удачное с точки зрения выгодного вложения – таково мое мнение, может, и необязательно верное. Всё это не касается людей с повышенным статусом и запросами, где им, «бедолагам», удержаться крайне тяжело и редко возможно, хотя знавал я и среди них людей самодостаточных и скромных.

«Измайловские» и другие

1996 год плавно перетёк в 1997-й под эгидой скрытого столкновения между Буториным и «Аксёном». Не знаю, что каждый из них думал по этому поводу, но некоторая тень от их противостояния легла и на задачи, которые ставили передо мной. Это затяжное единоборство, начавшееся ещё Ананьевским и им проигранное, продолжалось на протяжении нескольких лет, и ещё продолжится и выльется в несколько смертей, из которых я знаю только о двух: Зайчикова – «Зайца», очень близкого к Сергею человека, занимавшего в структуре «Измайловских» одно из первых мест, и второго, кажется, его названного брата и одного из немногих входившего в личное окружение, тогда еще просто авторитета, а сегодня «Вора в законе» и просто успешного человека.

Прямого отношения к этим смертям я не имел, хотя, признаюсь, некоторые нюансы мне известны, о чем предпочитаю говорить честно, предполагая подобную честность и со стороны, когда-то нам противостоящей.

Ося работал над этой темой не покладая рук. Десяток, а, может, и больше человек было привлечено к поиску и физическому устранению найденных, я сам лично видел показанные мне отчёты ФСБшной «наружки», с отрезанными шапками названия ведомства и адреса, сопровождавшиеся пояснениями Олега Пылёва и его же устными комментариями. На листках подробно описывались передвижения автомобиля «Гранд Чероки» Зайчикова, маршруты передвижения, места встреч и их фигуранты, с уточнением марок и номеров машин, ими используемых. Интересно отметить, что преследования были не всегда удачными из-за скоростной езды с грубыми нарушениями ПДД водителем, что заставляло преследователей «отпускать» преследуемого, дабы не «засветиться».

Моей задачей был только «глава» Измайловского «профсоюза». Несколько раз я выслеживал его, но не был готов действовать моментально, а иногда считал и ненужным. Свообразие этих обоюдных взаимоотношений, о которых он мог лишь подозревать, с его стороны было именно предположение о возможных чьих-то действиях по его устранению, но без какой-либо конкретики, и моих, как раз таки имеющих чётко обозначенную цель. О наших «встречах» осведомлён был только я, поэтому эти строки могут быть несколько шокирующими не только для него, но и для людей его окружавших и даже родственников.

В конечном итоге для постоянной готовности был приобретен минивэн «Форд-экономлайн-350», оборудованный под съем любой аудио-видео информации, а главное – «работы» по цели из любого места, расстояния и положения, из практически любого стрелкового оружия, сразу по обнаружении объекта или в результате его длительного ожидания.

Кроме тайников под стволы: снайперской винтовки, пистолета-пулемёта с ПББС и пистолета, – которые обретались внутри этой «музыкальной шкатулки», скрытые в чревах мощной акустической системы и огромной люстры на потолке, служившие безотказно верой и правдой, хоть и вынимались на свет не часто, но в случае уже непосредственной «охоты».

Там был и холодильник, и бар, на который, прежде всего, обращали внимание любопытные милиционеры, а также биохимический туалет, тоже вещь необходимая, но служившая второстепенным задачам, изредка он оборудовался взрывным устройством для уничтожения этого дивного передвижного средства.

Также в машине можно было подогреть пищу, пользоваться аппаратурой слежения, записи и перехвата в эфире. С десяток красиво установленных тумблеров и кнопочек управляли «стопами», сигнализаторами заднего хода, сигнализацией и переключением аккумуляторов, дистанционным заводом двигателя, громкоговорителем и всякими другими необходимыми приамбасами. Всё это стоило в несколько раз дороже автомобиля и могло быть обнаружено лишь при очень глубоком обыске, но мой внешний вид, манера общения и,

конечно, привычка коррумтировать в тот период практически любого представителя власти, имеющего вопросы, давали гарантию не только качественной работы, но и безопасности, а если еще прибавить греческое гражданство и права...

Трижды эта машина была «в работе»: дважды я стрелял из неё, но это была череда акций по демонстрации своей «работы», а ещё точнее – для отчётности о проведённой работе, вызванные настойчивостью «начальства» и его небезопасным нетерпением, к которым относились и три взрыва. Один из них из-за пресловутого человеческого фактора закончился трагедией для людей вообще не имеющих отношения к этому противостоянию, правда, к тем взрывам я имею совсем косвенное отношение, примерно такое же как производители оружия к преступлениям им совершаемым...

...Но нельзя играть человеческими жизнями, даже будучи уверенным, что всё учтено и продумано, и если делать, то делать самому. Позволю себе здесь заметить, что, сравнивая ситуации использования стрелкового оружия и даже направленных взрывов, в условиях города всегда предпочтительнее первое, поскольку дает в умелых руках почти стопроцентную гарантию безопасности посторонних. Если вообще об этом возможно говорить.

Так вот, используя этот минивэн, я дважды стрелял через маленькую форточку в задней части автобуса из мелкокалиберного револьвера. Маломощный аппарат со свинцовой, безболочной пулей для нанесения урона требовал соблюдения некоторых факторов, основным из которых является расстояние и отсутствие преград между стрелком и целью. Бессчётные тренировки из него по всевозможным мишеням, от грелки или воздушного шарика, наполненных водой или желеобразной массой, до стекла, позволили изучить возможности этого оружия и патрона на практике досконально. Я знал, на что способна пуля, выпущенная из такого ствола, именно поэтому при покушении около «Доллса» не было «осечки».

Дальше двадцати метров, через лобовое стекло, человеку ничего не угрожало, а с пятидесяти свинец плющился о блестящую поверхность, распуская лишь паутину трещин, но ясно говоря о себе и своём предназначении. Здесь я говорю о средней длине ствола револьвера, при винтовочном варианте дула было бы по-другому. Это щадящее, но пугающее предупреждение «прилетало» к «Тимохе», в лобовое стекло его «Вольво» у кинотеатра «Пушкинский» зимним вечером, чем не только озадачило его, но и испугало. То же было и с Павликом у ресторана «Щёлковская, 33» в его день рождения, но тогда я дождался, пока он зайдёт за стекло остановки.

Слова «день рождения» в этом аспекте приобретают совсем уж буквальный смысл. Всё это, разумеется, доходило до «Оси» и с их стороны, и со стороны Андрея, которому я докладывал о ведущихся планомерно «акциях», но как назло, «неудачно» оканчивающихся, создавало у них впечатление проводимой работы.

Думаю, старший Пылёв, человек неглупый, возможно, о чём-то догадывался, но суть заключается в другом: позволить себе инсценировать покушение я мог, только будучи уверен, что мой шеф сам не рад подобным задачам, спускающимся сверху. Не являясь сторонником этого противостояния, старший из братьев лишь вынужденно уступал просьбам Буторина, Олег же наоборот, увлекался, и был убеждён в их необходимости.

Кроме всего прочего, я накопил кучу материала, собранного параллельно поискам «Аксёна», и более всего не столько о местах сбора или принадлежности «точек», сколько о местах проживания его близких людей, их родственников и родственников родственников, что давало мне возможность находить их вновь и вновь, при любых переездах или передвижениях. Когда я рассказал Олегу, что контролировал некоторое время назад проводы матери Аксёнова с женой одного из его парней в Сочи, где собрались все его парни: Костя – «Костос», «Крот», Сергей «Курнос» и Тимоха, а потом точно так же встречал, мало того, командировал своего человека с проживанием в отеле «Жемчужная» и был сам в готовности вылететь туда, при появлении «Аксёна» в этой гостинице, что он обещал сделать, но волею случая не появился,

Олег сказал: «Нужно было пользоваться первой возможностью и палить по провожающим, потом было бы проще». Да, действительно, такой метод действенен в уничтожении противников, но для меня и «Аксён»-то врагом не был, а здесь просто парни и ещё женщины, а ведь, как мне кажется, должен существовать негласный закон о неприкосновенности родственников, тем более жён и детей. Кстати, не только между криминалитетом, но и между криминалом и милицией.

Понимание того, что у меня накопилась в избытке информация, мало того, проанализированная и с конкретными выводами, привело к тому, что ею пришлось делиться. На этом настаивал и «Ося», а потому мне и пришлось расстаться с небольшой ее частью, хоть и не с самой свежей, но, как оказалось, все еще точной. В принципе, мне было сказано, что пяти адресов будет достаточно, и использоваться они будут в виде отправных точек для поиска того же «Аксёна», с чем я, в принципе, был согласен. Действительно, на тот период мест, которые было необходимо проверить, оказалось слишком много для моих возможностей, я еле справлялся с одной третью, с трудом успевая обрабатывать поступающие сведения, крайне важные для поиска «Осиного» противника, напомним – война прежнего нашего предводителя – «Культика» с «измайловским» предводителем закончилась смертью первого и ранением второго, так что шуток или преувеличений не было, а цена этой захватывающей игры – смерть или жизнь!

Полагая, что поиски могут увенчаться успехом, если и вторые две трети начнут кем-то проверяться, я передал требуемое не задумываясь. В результате, «главшпаны», не долго думая, решили воспользоваться методом «взятия языка», и в тупую выкрали человека, который дома больше никогда не появился. Насколько я понимаю, информации больше не стало, и смерть человека оказалась бесполезной, как и всё мероприятие.

«Ося» опасался возрастания «Аксёна» до «вора в законе», хотя, насколько я знаю, все были уверены в невозможности этого по ряду причин, однако я в такие вещи никогда не вмешивался. Тогда он был одним из основных представителей такого же «профсоюза», как и у нас. Не могу сказать, что в этом особенно ничего не было, тогда всё представлялось эксклюзивным, но примерно в тот же период я пытался достать и «Лучка Подольского».

Предыстория моего знакомства, заочного, разумеется, с Сергеем Лалакиным имеет развитие от звонка Андрея Пылёва и состоявшейся после встречи на его вилле в Марбелье. Приятное место, чуть, на мой взгляд, жарковатый климат и высокие цены. Самое фешенебельное побережье Средиземноморья – почему именно оно? В отличии от Франции, не такое спокойное для нашего российского криминалитета, коим считается каждый выходец из Российской Федерации. Так вышло, и, значит, по-другому быть не могло.

Не помню, как именно, но в разговор вклинилась тема «Подольских» развёрнутая, конечно, в интересах Буторина. Андрей обрисовал вкратце историю «Лучка», сделав некоторые акценты на основных вехах, впрочем, ничего не значащих, и констатировал просьбой «Оси» поработать в этом направлении.

Позднее были даны ориентиры, самый точный из которых – трасса, на которой случайно была замечена его Volvo, и примерное место, где её потеряли. Другими словами – небольшой участок дороги Подмосковья, в районе которого могло быть нечто, а что именно – предстояло выяснить.

Достаточно быстро проявилось то, что притягивало сюда человека, передвигавшегося на иномарке шведского производства – его дом! Удача была налицо, и я взялся за это дело даже с некоторым азартом, ибо всё, кроме последнего – выстрела, было интересно. Оставалось надеяться, что конечной фазы, как часто бывало, не будет.

Небольшой участок, огороженный кирпичным забором, калитка с домофоном, на территории – почти квадратный дом с четырёхскатной крышей, позади него баня. На тот период частный сектор был ещё далеко не достроен и в окружении находились 2–3 дома с прогалами пустых окон и без крыш, на разном расстоянии от места парковки машин перед калиткой.

Можно было воспользоваться и панельным домом, длинной в несколько подъездов, стоявшим вдоль правого бока дома, если стоять к нему лицом. Здесь два варианта: либо пробовать снимать квартиру, что я не любил – приходилось «светить» своего человека, или пользоваться чердачным перекрытием, которое, как ни странно, было закрыто и опечатано – тоже неприятный нюанс.

Фасад выходил на огромное поле, которое тоже могло стать пристанищем для моей «лежанки». Вообще, выбрать было из чего, но я решил не спешить, но постараться, собирая информацию, наблюдать за местностью и народом, её населяющим. Для этого мы поставили «Ниву» и из неё фотографировали всех приезжающих, которых оказалось ограниченное количество.

Было очевидно, что работу с проживанием в этом доме Сергей не совмещает: домработница, два молодых человека – эти появлялись почти каждый день, женщина, по всей видимости – супруга, и... остальное неважно, и пошла информация, на кого оформлены автомобили, адреса проживания, номера домашних телефонов а, по возможности, и мобильных с их распечатками. Телефоны по месту проживания сразу попадали под прослушивание, как и попытка перехватить на месте мобильную связь, что дало кое-какие плоды.

Потихоньку определился режим передвижений не только обитателей этого дома, но и соседей, что для такого места тоже важно, одновременно взвешивая оптимальность каждой возможной для стрельбы точки, исходя из её удобства, безопасности и путей отхода. Отходить же было решено по навесному мосту через маленькую речку, расположенному с обратной стороны, относительно панельного многоподъездного дома к самой даче «Лучка».

Ориентир этот был в нескольких стах метрах, добравшись до него и оборвав двумя слабыми зарядами, несущие стальные тросы, что отрезало бы соединение двух берегов, можно было обеспечить 100% гарантию обреза преследования при любых обстоятельствах.

Проторчав более двух недель, я решил немного автоматизировать процесс регистрации гостей, применив и довольно успешно, уже ранее опробованное на других точках видеонаблюдение, правда это потребовало ещё несколько, кроме имеющихся аккумуляторов. Зато все 24 часа событий оставались на видеоносителе, причём без вызывающего подозрения человека, вынужденного торчать с фотоаппаратом в машине.

Материала накопилась масса, правда весь он позже был уничтожен, остались лишь два десятка фотографий со всеми фигурантами, бывавшими в этом доме в течение почти двух месяцев.

Наиболее подходящей точкой стрельбы я определил подвал или, точнее, цокольный этаж недостроенного частного дома, как раз в той стороне, где находился подвесной мост, то есть через дорогу, от объекта наблюдения.

В панельном же доме квартиры свободные были, но одна в первом подъезде, откуда возможность выстрела исключалась; окна второй выходили на обратную сторону. Поначалу я предположил, что недурно было бы планировать покушение по съезжающей с трассы в сторону коттеджа машине, но угол атаки и ряд неудобств не позволил остановиться на этом варианте.

Проезжая по шоссе, я постоянно присматривался к местам, с которых можно было «работать» по движущемуся транспорту, но внутреннее ощущение сопротивлялось, да и достойного внимания ничего не высвечивалось.

Итак – недостроенный коттедж. Окна цокольного этажа выглядели как амбразуры ДОТА, причём эти достаточно широкие щели выходили и в обратную сторону, что не только создавало бешеный сквозняк, а была всё-таки зима, но и обеспечивало скрытое покидание позиции.

На первый взгляд полуподвал был не посещаем, хотя некоторые приметы редкого присутствия в виде мусора, происхождением которого было распитие спиртных напитков то ли бомжами, то ли местными шалопаями, правда желание чего из-за холода и продуваемости у них пропало.

Для контроля я установил несколько «признаков» – леску на дверной проход с первого этажа, и в каждое окно по какому-нибудь предмету, который не мог сдуть ветер, но обязательно зацепил бы проникающий внутрь человек.

АК-74 с ПББС и установленным оптическим прицелом – обычным ПОСП с подсветкой, для дистанции чуть больше 100 метров, обеспечивали и точный выстрел, и отход, в случае преследования, безопасным. Хотя какое там преследование – обычно всё было достаточно скромно.

Уже несколько раз я контролировал приезд и единожды застал отъезд. Но, то было темновато, то метель, то много народу из числа соседей. Да если честно, и сердце «не лежало», если вообще этот физический орган, с которым обычно сливают душу, к этому может быть предрасположен.

В очередной раз, будучи простуженным – и «чистильщики» себя на работе не жалеют, заметил форму фар соответствующих долгожданной машине. Быстро и аккуратно ступая по замусоренному полу подвала, подошёл к щели, расчехлил оружие, выставил на заранее подготовленный «станок» (остатки каких-то поломанных лесов), несколько раз глубоко вдохнул, и взглянул через прицел на двоих вставших в лучах света мужчин.

Один был тем, кто нужен, а второй... и не интересен. Ничего не мешало, цель подсвечена и видна чётко, как и светящаяся галочка в прицеле – просто подарок, но не давало успокоится чувство присутствия ещё кого-то рядом со мной.

До этого несколько раз, осматривая помещение и все признаки безопасности, никаких изменений я не нашёл и даже присутствие кого-либо ранее не заметил. Лишь в углу, в тёмном и заваленном каким-то барахлом, могло что-то поместиться, но пошарив ногой я ничего не почувствовал.

Постоянные порывы ветра и шелест гоняемого им мусора не давали сосредоточиться на звуках, но я радовался этому, потому что совершенно уставший и почти без сна вот уже несколько суток, не засыпал именно из-за этих шорохов, а в сон клонило.

Кажется, кажется, кажется – то, что кажется нашим чувствам, зачастую существует. Остатки тех прежних, хорошо развитых слуха, обоняния, осязания, может просто загрубевших или уменьшивших свою чувствительность, подчиняясь чему-то, о чём мы и не подозреваем, постоянно предупреждают нас о чем-то грядущем, правда почти всегда мы глухи или слепы, а очень часто просто ленивы!

Возможно, и на уровне тонкой духовной материи происходит нечто, сродни колебаниям, которые включают спящие чувства. Как бы то ни было, но мой опыт не раз показывал – что-то существует, и нужно лишь не отбиваясь от назойливости, пусть и слабого сигнала, следовать подсказкам интуиции. Интуиции ли?

Вот и сейчас что-то подсказывало о наличии постороннего присутствия, возможно слабый звук, который я не слышал, но как-то ощущал, и вот это-то чувство не давало спустить курок, и постоянно заставляло поворачиваться. Плюнув и решив всё же доделать то, зачем я здесь мёрз, и уже дважды простужался, до конца.

Дослал патрон в патронник, поймал «полную луну» и... теперь уже явно услышал приглушённый стон, будто последний выдуваемый из лёгких воздух...

...Я застыл, в пол глаза следя через оптику за пока ещё стоящим «Лучком»... послышался второй выдох, но уже более чётче, мой взгляд перевёлся на зеркальце, поставленное на подоконник таким образом, чтобы, не шевелясь, можно было обозревать лестницу с первого этажа, она, кстати, неплохо освещалась лунным светом через окна сверху – чисто! Взгляд опять на «Лучка» – Сергей уже прощался, редкий момент, что бы он так долго задерживался снаружи... и опять выдох, и настолько явный, будто у самого уха! Оттолкнувшись в сторону от звука и разворачиваясь в полёте, выпустил пару пуль в свою же, еле заметную шарахнувшуюся от самого себя тень. Два шлепка и... Опять выдох, но уже будто с мольбой о помощи.

Наконец я понял, откуда. Нервы, превращённые в тряпку за эти годы совершенно никуда негодились, а здесь ещё все оставленные «признаки» безопасности были на месте, а внутри помещения кто-то есть. Какой-то кризис, и его придётся преодолевать, но для начала необходимо разобраться тут.

Держа перед собой ствол, стараясь придерживаться темного места в комнате, на полусогнутых ногах, приблизился к куче тряпья и попробовал пощупать кончиком глушителя «спасителя» Лалакина, но шевеления не было, лишь тихий и слабый свист редко выдуваемого воздуха, который возможно я раньше воспринимал как один из звуков сквозняка. Заметить моё лицо в маске и очках от ветра не могли, кто бы это ни был.

Пристрелить бедолагу – нет, не могу. Быстро стал отходить с огромным желанием покинуть это место, и уже стоя перед выходом, разбирая и пряча в чехол автомат, почувствовал, что-то шевельнулось в груди – ну не могу так просто уйти и всё тут. Не могу!

Ведь если кто-то что-то задумал, будь это засада, то уже что-то предприняли бы. Будь это бомж... словом что-то не то. Решил дойти до машины, упаковать оружие и вернуться, прихватив на всякий случай только пистолет.

Через 10 минут палкой разбрасывая тряпье, в самом низу наткнулся на мальчика в лёгкой куртке и одежде явно на вырост, порванной и протёртой, словно вырванной из зубов динозавра – вся в дырах и всевозможных пятнах. Скомкавшиеся волосы, довольно длинные, наверное, вывалились из-под шапки-ушанки, выдавшей вида, и, кажется со вшами или даже не знаю, что это было.

Существо явно было юным и нуждалось в помощи. В разрывах одежды проглядывалось тело и казалось, явно неоднородного цвета – то ли грязь, то ли синяки. На лице кровоподтёки, пальцы грязные, закутанные в какие-то бинты, и это в мороз! Я взял какую-то ткань, валявшуюся здесь же, похожую на лоскутное одеяло, завернул в него умирающего, попробовал тащить, но оказалось, что тело весило не больше 30–35 килограмм. Закинув на плечо, я пошёл в сторону машины. Пока нес, думал, зачем это мне? Положить бы у калитки «Лучка», с запиской: «Ты обязан ему жизнью» – позвонить и исчезнуть. Да, умно. Кстати, внутренне уже решил больше никогда сюда не возвращаться. Больше и не возвращался.

Усадив, а точнее, уложив бомжика не переднее разложенное сиденье, выбросив его ушанку и напялив на его голову свою, как благодарность, хотя честно не знал пока, радоваться я должен был или злиться, тому, что он помешал, ведь всего-то оставалось чуть. Но на душе было тепло и хорошо, и я отправился в больницу, которую нашёл только в городе.

Прежде чем зайти внутрь и начать беседу, залез в потайное место в запасном аккумуляторе машины, достал ещё один паспорт, средней руки фальшивку – на один раз, внимательно прочитал, что бы запомнить, и сунул в карман, там что-то бряцнуло – две гильзы, собранные после стрельбы в подвале. Проходя мимо канализации, выбросил, и сразу увидел медбрата, которому и объяснил ситуацию, конечно, выглядевшую несколько иначе. Рассказанное не затронуло его душу и я уткнулся в непонимание своей просьбы, скорее всего прикрывавшее забралом «а нафига мне это надо», меркантильную заинтересованность.

Популярно объяснив, что не только надо и возможно, но и необходимо, через минуту уже катили мальчишку, так и не пришедшего в себя в сторону приёмного отделения. Там ещё раз рассказав, что нашёл его на обочине, на подъезде к городу, оставил свои данные, разумеется, только этого паспорта, переговорив с врачом, и взяв номер телефона молодого человека, вместе с обещанием сделать всё возможное.

Немного подумав, я отсчитал две зелёные бумажки и пообещал столько же в случае положительного результата, с чем и покинул это место.

Сожаления не было, мальчик находился в состоянии бессознательном, а в холод кинуть я его не мог.

Через указанное время, со всеми предосторожностями пробираясь в больницу и поняв наконец, что всё чисто, и волноваться не о чем, я позвонил доктору. Он узнал мой голос, и через 15 минут мы поднимались в палату, где лежал «найдёныш». По ходу движения врач не умолкал, и без передыху рассказывал о состоянии больного, сколько он прибавляет в весе, какие болезни, и чуть ли не, сколько было вшей. Уже взявшись за ручку двери, он вдруг посмотрел с ехидной улыбкой прямо мне в глаза, спросил: «А вы знали, что это девушка?.. И очень даже милотвидная... между прочим!» – Я опешил, но дверь открылась, и первое, что я увидел – хоть и худое, но привлекательно юное лицо, и теперь стало понятно, что это действительно не мальчик.

Девушка с чуть раскосым разрезом глаз, правильными чертами лица, длинными ресницами и ещё оставшимися следами побоев. Стрижка была очень короткая, по всей видимости, осматривали череп. Я засмотрелся и понял, что всё не зря. Она явно не относилась к числу беспризорников или бомжей. Что-то, произошедшее в её жизни, заставило пройти нелёгкий путь, приведший в тот подвал, и на сегодня закончившийся в этой палате.

Доктор констатировал, что следы постоянных избиений имеются, а изнасилования – нет, что радовало. Отдав ему причитавшееся и, оплатив ещё месяц вперёд, уехал. Я приезжал ещё лишь раз, видя её издали в больничном халате, читавшей книгу. Привёз кое-какие вещи, попросил передать некоторую сумму, и поинтересовался, что она собирается дальше делать. Оказывается, приезжала дальняя родственница из какого-то ближнего зарубежья и, кажется, у неё всё будет хорошо, после чего попрощавшись с заботливым врачом и, как показалось, влюбившимся в неё по уши, я исчез из её жизни навсегда.

Могу только сказать, как звали ту девушку, в сущности, ещё выглядевшую ребёнком, но имевшую возраст 19 лет, и не давшую мне совершить очередное преступление, а «Лучку» остаться в живых – Весна...

...Моей «работой» были охвачены и другие люди, на которых точили зуб наши «главшпаны», среди них хозяин отеля «Редиссон Славянской» Умар Джабраилов, Александр Черкасов, госпожа Сотникова и даже возглавлявшие следственную группу по расследованию преступлений, совершёнными нашими «бригадами», А. И. Трушкин и И. А. Рядовский – основные «двигатели» в раскрытии дела.

Но все они живы и здоровы, что нельзя сказать о большинстве их «заказчиков», которые, в лучшем случае, находятся в «местах не столь отдалённых», впрочем, как и я, человек, который мог до них дотянуться, но посчитавший необходимым этого не сделать.

* * *

Позже я летел на очередную встречу с Андреем Пылёвым в Марбелью. В сумке была толстая тетрадка формата А4, исписанная от руки мелким почерком, в каждой клеточке – привычка, сохранившаяся и по сей день. В ней были все выкладки и выводы по «Осиным» недругам со стороны «Измайловских», десятки номеров телефонов, адресов, фамилий, номеров автомобилей, места сборов и встреч, цитаты из телефонных переговоров, как-то добытые основные положения из документов, представляющих наибольший интерес, взаимосвязи, расположение в иерархиях, краткое описание каждого, как внешности, так и психологический портрет исходя из прослушанных телефонных переговоров и специального наблюдения, и ещё куча всего, что было накоплено за несколько лет работы. Все было собрано в этом скрупулёзно заполненном кондуите.

На аллее несбывшихся надежд – могила Ананьевского

Андрея впечатлил и объем, и продолжительность работы, хотя не очень заинтересовали. К счастью, Буторин не захотел копаться, и всё было решено передать Олегу, который тоже вряд ли стал бы изучать написанное. Кто-то явно хранил «Аксёна» и его близких, и мои труды, слава Богу, почти все пропали даром. Младшего Пылёва интересовали только адреса, причем только те, которые можно было рационально использовать и о которых я уже упоминал выше. Но жизнь тетради удивительным образом продолжалась, некоторая её часть, переписанная, избежала уничтожения – опять-таки, из-за человеческого фактора – вместо неё и оставшейся последней стопки моего архива были уничтожены другие бумаги, а уцелевшие попали в руки следственной группы, что произвело некоторый эффект, и не столько информацией (она была уже устаревшей, хотя...), сколько подходом к работе и сделанными выводами.

Хорошо, что основную часть архива я всё же уничтожил, но плёнки с нескольких похорон, дней рождения и встреч, а также аудио- и видеозаписи, представлявшие ценность для меня лично, скажем, с голосом Солоника и ещё нескольких персонажей, – всё это сейчас находится в бездонных недрах следственного комитета... Возможно, там им и место.

На аллее несбывшихся надежд – могила Володина

Где-то, в это же время, может, чуть раньше, забирая очередную «зарплату», я повстречался с Олегом. С напускной важностью и интонацией огромного одолжения, он сообщил, что «Пол порции» – бывшего водителя Григория – больше нет, и сделали это из-за уважения ко мне и ради моей безопасности. Было от чего недоумевать – «Пол порции» не мог дать на меня никаких конкретных показаний и не нёс никакой угрозы в принципе. Скорее всего, он мог надоест, кроме того, он был связующим информационным звеном между братьями и покойным Гусятинским, но с большой натяжкой.

Так и погиб этот человек невысокого роста – на всякий случай. Странная судьба его не отличалась никакими «выдающимися» вехами: смешливый, но исполнительный, с непропорционально большой головой, узкими плечами и короткими конечностями, он был карикатурой своего шефа, человека здорового и крепкого. Григорий смотрелся рядом с ним Гулливером и постоянно подтрунивал над уменьшенной своей тенью, периодически переходящей на бег, не успевая следовать за боссом пешком. Но Сергей, став приближённым и постоянным попутчиком главы ОПГ, не вознёсся и не забылся, оставшись таким же добрым и отзывчивым человеком, никогда не отказывающим в помощи, он лез под любую машину, не боясь испачкаться или не выспаться.

Вообще не понятно, что он делал в нашей компании. Единственным его увлечением были машины, и когда он копался в их двигателях, создавая впечатление ребенка в песочнице, окружающий мир переставал для него существовать. В армии он был бы прекрасным адъютантом, в другой жизни – хорошим администратором чего угодно, но в крови его жил автослесарь, просто попавший не в то время и не в то место.

Выбор жизненного пути, сделанный Сергеем, не стал пагубным для других, как мой, но вознес его на пару лет до высот, о которых он и не мечтал, затем низверг, расплющив об обстоятельства, находящиеся ниже уровня земли, где до сих пор, в неизвестном месте и покоится его брэнное тело, как и когда-нибудь каждого из нас.

* * *

Новые задачи, поставленные «руководством», оказались гораздо интереснее предыдущих. «Осе» зачем-то понадобился Черкасов – последний, оставшийся на сегодняшний день в живых из содиректоров «Арлекино». На день описываемых событий был жив ещё Гусев, хотя жить оставалось ему не больше месяца. Виной всего, как всегда, опять были деньги, которые то ли не вернулись, пока ещё, то ли не принесли ожидаемого, то ли... Над «Арлекино» нависла грозная туча передела из-за большого числа участвующих долями, с возможным плавным перетеканием от переговоров, где дипломатические меры воздействия, как и в большой политике, иссякая, отдавали бразды правления, в виде своего некорректного продолжения, войнам, большим и малым.

«Арлекино» и главные учредители – Нелюбин, Неизвестный, Гусев, Колегов, Черкасов

«Курганских» – прежней «крыши» – уже не было. Не складывались отношения и с «Коптевскими» из-за подвисших финансовых задолженностей, появившихся из-за нового проекта – клуба «Луксор», ремонт которого шёл полным ходом и требовал новых вливаний, а отношения с «отцом РУОПа» налажены ещё не были.

Но не было бы счастья, да несчастье помогло. Господин Саратов, упоминаемый ранее, по стечению обстоятельств начал «напрягать» обстановку, создавая всевозможные обстоятельства вокруг Черкасова, и атмосфера накалилась и сподвигла последнего на неординарный шаг, который тот, не задумываясь и предпринял.

Вместо того, чтоб отдаляться от «Шаболовки», рванул в самое ее пекло – в кабинет начальника, откуда вышел уже совершенно спокойным и неприкасаемым. Но вот о неприкасаемости «Ося» и слышать не хотел, а может, и не расслышал, но об этом чуть позже, а сейчас от меня требовалось установить наблюдение и прослушивающие устройства в указанных помещениях и на телефонных аппаратах в офисе коммерсанта. Через неделю информация потекла и от устроившегося туда на работу (разумеется, не по своим документам) моего человека, уже не помню, в какой должности. Что-то приходило и из других источников, к которым я не имел никакого отношения.

Постепенно начала проявляться картина финансового положения, возможностей, проблемы и связи, и конечно, слабые места и любопытные стороны с точки зрения коммерческой

безопасности. Интересны были и лица, с которыми встречался не только Черкасов, но и Гусев. Вскоре для меня стало очевидным, что главную роль с официальной стороны играет как раз последний, где кредиты и связи – его заслуга, о чем я и передал наверх, с уверенением, что дело нужно иметь именно с ним. Второй же, в основном поддерживал отношения со структурами, подобными нашей, что ещё год назад было в их бизнесе архиважным пунктом, но не сейчас, когда эта часть надстройки тогдашнего «культурно-массового проекта» рухнула, чуть было «не погребя» под собой всё созданное с её, в том числе, помощью.

Реакция на мое сообщение (хотя, возможно, были и другие факторы влияния) была несколько неожиданной, но нормальной для того времени – Гусев погиб с охранником, расстрелянный из окна близстоящего дома при выходе из автомобиля у чёрного входа в здание киноцентра, где и размещался этот офис. Стрелок выпустил весь «рожок» – из тридцати пуль в Гусева с охранником попали больше половины, после чего аккуратно поставил ствол у окна и ушёл незамеченным.

На аллее несбывшихся надежд – могила Нелюбина

Меня не предупредили, и лишь по чистой случайности мой человек уволился за неделю до этого, а акустические телефонные закладки, наверное, до сих пор излучают щебетание секретарши и окрики на неё начальников.

Буторина что-то всё равно не устраивало, деньги не возвращались, и все, кто мог, получили приказ на уничтожение хозяина уже открывшегося престижного «Луксора» в отеле «Метрополь». К тому времени он начал уже управлять частью бизнеса вышеуказанного бывшего начальника РУОП, поднявшегося еще выше по служебной лестнице. В его почти личном арсенале появилось ответвление французского автопрома под звучным названием «Арманд», с сетью одноименных автосалонов и охранной структурой «Арманд-секьюрити». И, конечно, обязательная в таких случаях охрана из явных представителей силовых структур в камуфляже, а главное, с автоматическим стрелковым оружием, что явно не прибавляло оптимизма при организации покушения на него.

Но... специальная литература, а также опыт подтверждают, что в организации любой охраны есть бреши. После двух недель стояния напротив вышеозначенного клуба, спиной к Большому театру, пара «окошек» обнаружилась. Оставалось только «отработать» технологию на естественном тренажёре, а именно – посадке бизнесмена с охраной в джип Land Cruiser,

которая, что очень характерно для большинства охраняемых объектов, происходит, раз определившись, одинаково. Место парковки при отъезде было одно и то же, и прикрытие от хулиганов и возможных стрелков с близкого расстояния каждый день проводились аналогично предыдущему. Такова специфика при серьёзной организации в охране любого «тела», где выбирается оптимальный безопасный алгоритм, и не всегда понятно, что лучше выбрать с точки зрения исполняющих свой долг телохранителей – точное его соблюдение или же спонтанно-хаотическое, но, в любом случае, имеющее повторение выполнения задачи.

То, что идеально отточенное и отработанное выполнение входа-выхода и прохождение пути от автомобиля в здание и обратно оставляет тем меньше шансов и ещё более уменьшает их, чем больше количество колёс, окружающих охраняемое тело – понятно. Но жёсткое соблюдение правил всегда имеет исключения, вариант же заранее продуманных нескольких путей имеет фактор неожиданности, но именно из-за нежёсткого соблюдения и всё равно повторяемости, даёт, как мне кажется, большие возможности для менее подготовленных к убийству стрелков.

При выходе из клуба Черкасова, в общем-то, неплохо прикрывали, с учётом имеющегося количества телохранителей, да и расстояние от выхода до двери машины было не более 10 метров. Но вот досада – охраннику, здоровенному и не очень поворотливому дядьке, тоже нужно было садиться в автомобиль на заднее сиденье, как раз за своим клиентом. Открыв дверь и посадив на переднее место «охраняемое тело», далее, закрыв ее и сделав пару шагов, он забирался в машину сам. Но чтобы попасть внутрь салона, ему приходилось открывать заднюю, правую, пассажирскую дверь, которая в верхней части открытого пространства образовывала визуальный доступ, через который были видны: весь подголовник, часть головы Черкасова, так необходимая «Осе», и открывшаяся центральная стойка автомобиля, между которой и подголовником сидения, было сантиметров 10–15, пять из которых было занято частью затылка, куда и нужно было попасть.

Оставалось правильно выбрать парковку для постановки своего автомобиля, что сделать было несложно, если заниматься этим с самого утра. Поток машин почти не мешал, джип, на котором передвигался хозяин «Луксора» – машина высокая, как и мой автобус, плюс ещё колёса на парапете. Грузовики по этой трассе почти не передвигаются, и ориентироваться приходилось только на автобусы и редкий спецтранспорт.

Вторая задача: уложиться в 2–3 секунды, пока эта щель открыта, не зацепив охранника, ведь он, забираясь в машину, на некоторое время своим телом заслонял траекторию выстрела, оптимальным для которого было время уже после его посадки в машину перед самым закрытием двери, – необходимо было выстрелить раньше, чем она закроется.

Неделю я «отрабатывал» на этой процедуре усаживания «цели» в транспортное средство, имея каждый день возможность выстрела, но пока не чувствуя себя готовым: во-первых, никак не мог поймать момент, когда после закрывания двери клиента и открывания своей, охранник начинал двигаться, открывая пятисантиметровый промежуток, а точнее время, когда начинался отсчёт этих самых нескольких секунд; второе – физических и технических проблем не было, за всё время наблюдения подголовник не мог помешать ни разу, всё успевалось. Мало того, никто бы ничего не понял, думаю, что и о смерти клиента охрана узнала бы, проехав уже приличное расстояние (пулька маленькая, с такой же небольшой энергией, и голова бы даже не дёрнулась – плюсы мелкого калибра, как и отсутствия крови), так что конспирация и скрытность были обеспечены.

Но меня начало смущать другое – «копать» стали бы сильно, а кому смерть Черкасова была нужна, тайны не составляло. Соответственно, искать бы меня начали, если не через «Осю», то через Саратова, хотя тут он был совершенно ни при чём. Думаю, бывший начальник РУОП таких пощёчин не прощал никогда и никому и, имея просто наводку, постарался бы докопаться до истины. Тут и самому до погоста недалеко. А причины для этого были, как мне

казалось, ясны и понятны. А как они копают, стало понятно после, всё же состоявшегося, покушения, исполненного Маратом Полянским. Правда, тогда парни действовали, как привыкли, но не моими методами, расстреляв всех, кто находился в машине, но главная «цель» в виде насмешки, осталась цела, хоть Черкасов и получил тяжёлое ранение в голову.

Произошло как раз то, о чём я писал ранее – если не делал точно я, то делали, как придётся, и вместо одной жизни, уходило несколько. Вот вам и мораль! (прошу не воспринять это как оправдание, но как констатацию)

Честно говоря, это был уже тот период времени, когда ради подобного выстрела переисливать себя не хотелось, а предчувствуя развал всей организации, появилась возможность и отлынивать от подобных задач, если находилась подобающая мотивировка или подходящая оправдание невозможности оправдать надежды.

Я уже определил правила исполнения, исходя из границ, которых принципиально не пересекал, и достаточно было сослаться на то, что в моей манере исполнить не получится, а тех, кто может крошить направо и налево, достаточно – пусть они и работают.

* * *

Где-то чуть раньше появились три статьи, которые я хранил, как полностью или частично свои детища. В принципе, ничего особенного, если рассматривать их с точки зрения журналистики. Но совершенно другой ракурс имеют они, если воспринимать их, как планомерную акцию, проводящуюся криминалом против криминала. Очень интересная задумка, пользующаяся сейчас огромной популярностью, но в несколько ином противостоянии – те, кто стоит на страже закона, направляют сие жало против преступников, которые, причём всё чаще, находятся в креслах официальных кабинетов. Но это было 15 лет назад, и создано только одними моими стараниями, что было не совсем характерно для моего амплуа.

При желании, все три статьи можно раздобыть в интернете: одна посвящена Зимину – «Зёме», написанная в положительных тонах и, якобы, расставляющая всё на свои места в имевшихся тогда отношениях между «Ореховскими», «Измайловскими», «Одинцовскими», «Коптевскими», и ещё несколькими группировками, конечно, избегая упоминания о «Медведковских», с указанием буквально нескольких перетасованных фактов и акцентов, позволяющих изменять векторы в необходимых нам направлениях. Вторая (она же прошла как радиоинтервью, уже не помню, в какой программе и на какой радиоволне) – под эгидой освещения действий правоохранительных органов, но с направляющим информационным ударом в сторону одной из враждебных Буторину бригад.

Третья, подобно предыдущей, раскрывает скрытые подробности бизнеса одного из упомянутых на страницах статьи людей, даже с фотографиями, его компрометирующих. Не трудно догадаться, что речь шла о «курганских» и Александре Черкасове.

В информации, блещущей фактами и неподдельным бытием, со слегка надуманными мотивами и несколько подправленными выводами, фигурировали и несколько изменённые высказывания, снимки и документы, которые сейчас попадают в мировой паутине. Ведь достаточно в компании, мелькающей на фотографии, якобы перепутав, написать нужную фамилию, в документе изменить число, а в ссылке источник, и отмыться потом сложно. Что мы сейчас и наблюдаем достаточно часто.

Достигли они своих целей или нет – не мне судить, но если хотя бы что-то получилось, то это уже можно расценивать, как некоторый успех с интересом предпринятого опыта. Честных людей затронуто не было, а факты, о которых говорилось, были хоть и бездоказательны, но имели место быть.

Конечно, написанное мною и переданное людям, профессионально занимающимся журналистикой, было подвергнуто редактированию и, конечно, совсем не бесплатно, и именно в таком виде достигло конечной цели.

Плод совместного творчества понравился всем, кто был в нём заинтересован, а на «Зёму» произвел и вовсе неизгладимое впечатление.

В начале 2000-х я пытался, по просьбе одного из братьев, протолкнуть большую оправдательную, в отношении него, статью в прессу, как отзыв на его арест в Испании по обвинению в неуплате налогов, что, правда, как обвинение не подтвердилось испанской Фемидой.

Смешно, но после его освобождения оказалось, что пропала большая часть изъятых драгоценностей и предметы антиквариата, а новые когда-то автомобили за полтора года превратились в рухлядь – цивилизация, знаете ли. (Андрей Пылев был отпущен по постановлению суда Королевства Испания, отбыв больше года под арестом в местной тюрьме, после чего, через некоторое время был арестован вновь по инициативе Российской Федерации, уже по обвинению в убийствах и организации преступного сообщества, что и стало впоследствии причиной экстрадиции на Родину).

Статью не пропустили ни в одну газету, ни под одним уксусом, снимая буквально с печатного станка, что показывает уровень заинтересованности в перевозе старшего из братьев в Россию. Да и показания уже сидевших «плотно» членов «профсоюза» давали неумолимый карт-бланш для его фактического лишения свободы.

Имевшимся же свидетельским рассказам, попавшим в протокол, удивляться не приходится, ввиду полного развала организации, после чего, так сказать, пенсионеры денежного довольствия не получали, зато исправно начали исчезать навсегда.

Власть и сила

«Любое прошлое, когда-то было будущим, а любое будущее станет прошлым, но и то и другое всплывает настоящим, в виде отношения к себе».

(Из тюремного дневника автора)

1998 год ничем не выделялся и был относительно спокойным. Самым главным событием стал, как и для всей страны, дефолт, который произвёл на криминальную братию поначалу такое же воздействие, как и усиление уголовного кодекса в 1996 году, правда, и последствия были такие же – все привыкли, а отразилось всё на других. У самих же «братков» зарплаты резко сократились, расстояние между подчинёнными и «главшпанами» увеличилось и, думаю, именно в этот год «общак» почил в Бозе. Причина до тошноты проста: держатели его тоже теряли в материальном содержании, а привычка жить на широкую ногу оставалась, и менять её не хотелось, тем более, нашёлся ещё не до конца распотрошённый мешок, который считался набитым доверху, с предназначением – быть потраченным на общие нужды. Правда, содержание его не раздавалось никому, кто бы от туда ни просил. Думаю, братья без зазрения совести оприходовали не только то, что было внутри, но и саму мешковину.

Странно то, что ещё десяток лет, а то и меньше назад, за подобное их просто разорвали бы те же «Лианозовские», но далеко не так было сейчас. Наглядные примеры учат многому. И понаслышке я знал – это не единичные случаи, ведь власть денег над людьми непреодолимо сильна, так же, как и власть людей над людьми, правда, эти две «вещи в себе» вообще не сравнимы.

Страшнее всего, когда две эти власти складываются, и тогда тяга к наживе и превосходству над себе подобными доводит человека до того, что он предпочитает убить, нежели выплатить причитающееся, или позволить кому-то хотя бы приблизиться к его положению, а возможности в таком случае безграничны. Нужна лишь причина, которую найти проблем не представляет.

Немотивированные страхи о потере денег, приоритета и авторитета ввергают человека в состояние дикой нервозности и подозрительности, окутывая любую мысль негативным окрасом, куда прибавляется боязнь покушения и, как результат, приводит к устойчивым фобиям. Впрочем, это не особенно действенно, если у человека имеются настоящие ценности, семейные или духовные, или хотя бы он о них помнит, – они занимают то место, где рождается депрессия, ведущая через страх потери к необратимой подвижке сознания.

По всей видимости, из-за резкого понижения зарплат упала дисциплина, и братьями было принято решение: рядом мер хотя бы удержать её, пусть и на тогдашнем уровне. Здесь отводилось место и мне.

За месяц до нового, 1999 года, Андрей, несмотря на моё сопротивление, поделился связью со мной и с Олегом, который очень настойчиво просил меня прибыть на остров Санта-Круз де Тенериф, Канарского архипелага, на проводимое в первый раз широкомасштабное празднование Нового года. Так же настойчиво я и отказывался, понимая, что мне просто противопоказано появляться перед людьми, которые не только не видели меня 4–5 лет, но и слышали уже только в легендах, исходящих от младшего брата (Олега). Впрочем, легенды позволяли как раз поддерживать эту самую дисциплину. Старший Пылёв (Андрей) тоже не захотел войти в моё положение и поддержал инициативу. В результате, после полной оплаты двухнедельного пребывания двух человек, я всё-таки сдался. Ну нужно было им показать наличие гипертрофированного монстра и погрозить пальцем!

Устроенный банкет и представление, конечно, понравилось, был снят президентский люкс в отеле «Медитеранен». Огромный зал-фойе в виде эллипса, по периметру которого шли балконами возвышающиеся этажи с номерами, был заставлен столами, венчающимися ярко украшенным подиумом с оркестром и музыкантами в белых фраках. Сверху свисали огромные хрустальные люстры, и всё это на самом верху завершалось балконом снятого номера, с другой стороны которого имелся и второй, не менее огромный выход на балкон, с видом на удаляющийся до пересечения с горизонтом океан и отражающееся в нём бесконечное небо со звездами и лунной дорожкой.

Номер был очень большой, вместивший 30–40 человек мужчин и женщин. Пар, в основном, не было, лишь персоны, имеющие вес, могли себе это позволить. Дресскод был обязательен: для дам – бальные платья, джентльмены, пусть даже «удачи» – в смокингах. Снующие и пытающиеся угодить официанты не мешали, но успевали во всём. Алкоголь разбавил напряжённость, а приятные блюзовые и джазовые мелодии в стиле Луи Армстронга, Эллы Фитцджеральд и Фрэнка Синатры только добавили вкуса 30-х годов.

Нечего сказать – красиво, особенно застолье, проходящее либо на балконах, либо внизу на танцполе. Вид, открывающийся почти с крыши высокого здания, поражал воображение своей красотой, время пролетало незаметно, а шампанское в бокалах словно испарялось, придавая особый вкус и аромат лёгким объятиям и поцелуям признательности и волшебства последних часов уходящего года.

Скоро гангстерская тусовка вошла во вкус, и стала похожа на возможно когда-то бывшие именно такими, какими мы можем наблюдать их по многим фильмам на подобные темы, не только видом и звуком, но и атмосферой «ежиков», волос, зализанных назад с помощью геля, а также сигар, виски и красивых женщин с шикарными причёсками, дорогими украшениями и «откутурными» платьями, придававшими им особый блеск, изменявший их до неузнаваемости, добавляя и так чрезмерного магнетизма.

Вместе с «работниками», привыкшими ходить «по большой дороге», здесь, за отдельным столиком, где сидели мы с Махалиным и Шараповым, были и адвокат Илья Рыжков, и банкиры – Максим и Влад, разумеется, с вторыми половинами, что придавало и статусности, и приятных тем для медленно текущего разговора.

А. Шарапов – близкий товарищ Алексея, ныне пропавший без вести

Наша компания несколько сторонилась основной массы, к тому же наши пары, составляющие эту смешанную группу, имели разные интересы и привычки в отдыхе по сравнению с остальными. Нередко, нашу десятку разбивал Олег с супругой, находясь, в основном, со сво-

ими подчинёнными, Андрей же нарушил данное мне обещание и прилетел лишь через пару дней, пригласив нас десятерых в китайский уютный ресторанчик у берега океана.

На этом празднестве мы задержались недолго и исчезли около двух часов. Выйдя на улицу, наслаждались праздностью гуляющих людей, океанским воздухом и друг другом – молодые ещё мужчина и женщина, в чёрном смокинге и великолепном длинном платье, сшитом на морской манер, с глубоким декольте, огромным воротом и оголённой спиной. Вряд ли когда-нибудь ещё я могу вспомнить нас двоих, гуляющих с таким романтическим настроением глубокой ночью в таком виде и совсем забывших о реалиях нашей жизни.

Это была хорошая поездка. Мы всегда брали в аренду небольшой автомобиль типа «Форда Фокуса» и разезжали по острову, начиная, конечно, с вулкана Тейде и заканчивая северной частью, куда можно было попасть через совершенно непохожие друг на друга места и природу на верхнем плато верхушки уснувшего вулкана-великана и на его склонах, а также подымаясь и спускаясь по серпантинам к самому океану. Пляжи у отеля были достаточно хороши, и утро начиналось с них.

Во время неоднократных посещений Канарского архипелага появились и полюбившиеся ресторанчики: два, находящиеся у порта, и один китайский на скале, высоко над гладью воды.

Но всё-таки основным местом посещения зарубежья в эти годы стали предместья Гибралтара – Марбелья и близлежащие городки. Ничего особенного в этом населённом пункте не было, кроме фешенебельного курорта, любителей моря, дорогих яхт и машин, красивых вилл и вообще, насыщенности недвижимостью, принадлежащей куче знаменитостей, от Бандероса до Лужкова, который, разумеется, сразу подружился с местным мэром. Туда, конечно, сразу попала статуя Колумба работы Церетели, правда, не такая большая, как московский Пётр Первый, а лишь в человеческий рост, в виде подарка полюбившемуся месту. Местный градоначальник был известен многим, он поднял город до сегодняшней величины известности, завёл конную полицию, развил инфраструктуру, думаю, не без учёта интересов своего кармана. Правда, уже загремел на 15 лет, оставив все свои наработки следующему... Какие похожие судьбы!

Только ленивый обладатель хоть сколько-нибудь наполненного кошелька не приобрёл здесь какую-то домушечку или квартирку, тем самым облегчив работу правоохранительным органам, которые «хлопали» и «хлопают» (и, по всей вероятности, с успехом будут продолжать это делать) незадачливых, скрывающихся от правосудия, в том числе и по поддельным документам, с последующей экстрадицией в радушные объятия Следственного комитета РФ.

До сих пор и я вспоминаю, так и не ставший моим, домик, расположенный на третьей линии от среза воды, в горах. Вариант был великолепный: дом в 200 кв. м почти полностью из стекла, где рёбрами жёсткости были огромные кедровые брёвна. В нём было удобно до непривычности, и в любую сторону открывался чудный пейзаж, красивый до ненастоящности: склоны гор, где расположился маленький бассейн с мозаичными дельфинами, несколько огромных сосен и две пальмы, а также необычное достоинство, которое и составляло основную цену недвижимости – теннисный корт, для постройки которого было снято огромное количество скальной породы. Ну и, конечно, сам дом с гаражом на одну машину, тоже в скале, откуда к теннисной площадке вёз лифт. Усадебка была кем-то заложена банку, который чуть было не реализовал мне его второпях, чтобы окупить просроченный бывшим хозяином кредит в 400 тысяч у. е. Как я уже писал, заплатив половину, я тоже погорел на кредите благодаря доброте и отзывчивости наших «главшпанов», по всей видимости, оказавшись недостойным воспользоваться общественными деньгами, как раз для этих целей и существовавших. С этих 200.000\$, заплаченные мною банку, онный забрал одну треть неустойки, оставшиеся вернул замечательному адвокату Алехандро и в закрома того же «общака», оплатив счета братьев – красиво жить не запретишь (повторяюсь, чтобы выговориться и забыть).

Но какой смысл расстраиваться, тем более сегодня судьба этого дома была бы в подвешенном состоянии. Вообще, у человека, находящегося в заключении, почти всё, что связывает

его с нормальной жизнью, находящейся за стенами подобных учреждений, пребывает в подвешенном состоянии, и если говорить о какой-то собственности, то ссылаясь только на баулы и дафлы, хранящиеся в каптёрке. Исходя из этого, по меркам лагеря, я совсем не беден, имея, кроме того, сотню фотографий, пару горшков с цветами, которые нежно оберегаю, и небольшую библиотечку.

Жизнь забита ежедневной суетой, ограниченной статьями и параграфами Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (устаревшего до безобразия, где нет места даже такому понятию, как кипятильник) и работой, что можно разбавить разрешенными непродолжительными тренировками, и как сейчас, писаниной и прогулками.

Некоторый красочный аспект придают жёстко лимитируемые передачи и бандероли, иногда балующие вкусами, чтение, которое особенно радует душу, и письма в неограниченном количестве, благодаря чему скрашивается, пусть и не то одиночество, к пониманию которого человек привык на свободе, – ведь здесь ты постоянно окружён людьми, – но одиночество, если можно так выразиться, непонимания, направления и душевного рвения.

Эта жизнь – вряд ли та, к которой нужно стремиться, но через которую можно прийти к желаемой, пусть хотя бы остатку от неё, и через большой промежуток времени.

Годы заключения даются человеку не для того, чтобы просто переосмыслить прошлое и сделать выводы, но чтобы приучить себя к чему-то новому, перестроив своё поведение и свою мораль под те, с которыми человек приходит в этот мир, а после, на протяжении всей своей жизни, усиленно меняет, доводя до тех причин, о которых многие, находясь под «охраной», сожалеют.

Здесь принято говорить о восстановлении системы ценностей – пусть так. Я же конкретизирую для себя – это скорее сохранение её внутри себя, прежде восстановленной и, теперь уже, обороняемой от напора возможных ошибок и воздействий со стороны субъектов, у которых система выстроена не в том порядке.

Правда, к сожалению, в нашем мире, часто то, о чем написано, выглядит совершенно по-иному в живую, а потому все о чем говорилось строчками выше, сегодня зависит в этих местах только от самого человека и может быть достигнуто лишь его усилиями.

Чтобы дать понять, о чём я хочу сказать и от чего нужно будет удерживаться после освобождения, находя иные выходы, приведу пример мотивации.

Представьте себе пса, мирно трескающего сахарную косточку, отстранённого от окружающего его мира и имеющего вид существа, которого всё устраивает. Будь вы ловцом и уничтожителем бродячих собак, то, даже по долгу службы, вам пришлось бы переступить через себя, чтобы уничтожить эту собаку. Если же вы простой гражданин, которому надоели «лепёшки» на асфальте, прилипающие к вашему башмакам, оставляемые беспризорными псами, то вполне достаточно было прогнать его и остаться довольным. Имей вы ружьё, в такой ситуации вряд ли рука поднялась бы на беззащитную тварь. Большинство же людей, глядя на жизнь этих созданий, скорее поделятся своей пищей из жалости и какой-то отдалённой, глубоко внутри себя спрятанной родственности живых существ.

А теперь представьте своего ребёнка, в тело которого вцепился тот же вислоухий, после того как ваш отпрыск решил, шутки ради, отобрать эту косточку, совершенно не понимая по наивности, к чему это может привести. Воспользуетесь ли вы ружьём? Что вы скажете или сделаете, вдруг обнаружившемуся хозяину, который, вдобавок ко всему, ещё обвинит вашего ребенка во всём случившемся, а вам, по вашей же слабости и растерянности, надаёт оплеух?

А всего в нескольких метрах висит совершенно официально оформленное оружие, к которому толкает справедливый гнев и обида? Лично я всегда удерживался и удержусь! Но что же я позволю себе сделать? Ведь случившееся оставлять так нельзя. Полиция? Но, узнав всю подноготную моей жизни и сравнивая ее с судьбой хозяина собаки, кому поверят больше?

Разумеется, в такой постановке вопроса и даже возможности её, кроме меня, винить больше некого, но конфликт как-то должен быть разрешён, и уж точно – мирным путём. Но таким образом, чтобы повторения подобного больше не было.

Героем приведённого примера было животное, имеющее только душу и врождённые рефлексы, последние и «сподвигли» существо на нападение.

Думаете, на людей нужно смотреть иначе из-за имеющихся у нас разума и, кроме врождённых, ещё и приобретённые рефлексы? Ничуть! Ответственность каждого из нас многократно выше, чем у этого «Шарика», именно из-за присутствия разума, чем мы и выше животных.

Только выше ли?!

* * *

Если ничто из естественного не зло, то это значит, что зло возникает, когда мы сами извращаем свои способности.

Максим Исповедник

Ничто не выбивает человека из колеи так сильно, как чужой экспромт, я сам их обожаю и часто к ним прибегаю, либо готовя его заранее, либо делая интуитивно.

Первый день, по очередному прилёту на Канары, перед этим общественным, уже упомянутым празднованием Нового Года, ознаменовался просьбой Олега встретиться с ним сразу после телефонного звонка в отель, где мы обосновались, прозвучавшего когда я ещё не успел распаковать вещи и принять душ.

Через 15 минут я уже стоял у входа в гостиницу, куда подкатил белый «МерседесБенц», управляемый младшим из братьев, одетым во все белое, что, правда, не сливалось с цветом покраски транспортного средства, но лишь усиливало впечатление под лучами яркого солнца. По обыкновению, увидев с ним ещё одного человека, кажется, «Булочника» (Грибкова), я попросил последнего пересесть на переднее пассажирское сиденье, чтобы не оставлять никого позади себя. Но просьба моя осталась не услышанной, а Пылёв движением руки пригласил меня занять место именно рядом с ним.

Подумав немного и всё взвесив, я всё же последовал приглашению, начиная жалеть о том, что приехал не один, да и вообще о том, что приехал. Ведь не хотел же ехать, упирался, но...

...Сел вполоборота, чтобы видеть обоих, вынул резную красивую палочку – яваре, которую вырезал сам на досуге, и крутил её между ладонями, будто массируя.

Дорога уходила вверх, где, я знал, скоро заканчивалась небольшой площадкой над глубоким обрывом. Вариантов было два: либо хотят показать, что мне их бояться надо, и есть ведь, есть чего, а далее, скорее всего, будет какое-то предложение, от которого отказаться невозможно, либо... в отель я больше не вернусь.

Много я ли успею сделать? Неизвестно. Глядя на 120 килограмм живого веса Грибкова, и всё в мышцах, думалось о возможном предстоящем. Скорее всего там на верху будет ещё пара человек, а потому если что-то предпринимать, то сейчас.

Но машина шла на большой скорости – предельной для горного серпантина, и пока я, выжидая, шутил и посмеивался островам Олега, потихоньку освобождая тормозок на микро-скопическом ножичке в пряжке ремня, времени оставалось всё меньше, но делать почему-то ничего не хотелось. Я решил подождать, несмотря на то, что понимал: если бы был какой-то план, то явно не оставлявший мне шансов. Но интуиция подсказывала: что-то было не так, и дальше разговоров дело не пойдёт. Белоснежная машина, явно оформленная честно, такая же светлая, а потому маркая одежда. То, что я сидел под камерой отеля, наверное, не в счёт, а вот напряжённость больше чувствовалась у меня, нежели у обоих моих попутчиков.

В конце концов, я решил начать что-то предпринимать лишь в случае, если появится третий. У меня на сегодняшний день было одно преимущество, которого не было у подавляющего большинства – я стал не особенно ценить свою жизнь, точнее сказать, вообще ничего ценного в ней не видел, соответственно, думаю, и расстался бы с ней без особого сожаления. По крайней мере, это меня не пугало.

Третий человек не появился. Машина же, сделав разворот на пяточке смотровой площадки, остановилась, и наступила минутная тишина, по прошествии которой Олег принял явно неудобное для нападения положение, подогнув под себя ногу, и с улыбкой спросил: «Чё ты такой напряжённый?». «Привычная реакция на незнакомого человека», ответил я, имея в виду «Булочника», что не сразу понял обладатель белого костюма и напрягся сам.

После ещё одной паузы Вова вышел из машины, и началось то, из-за чего и был устроен этот спектакль. Было необходимо устранить Таранцева, что меня сильно удивило, – ведь Андрей постоянно встречался с президентом «Русского золота», и не было ни одного разговора, чтобы он его не упоминал «Петровича», причём делая постоянный акцент на дружественные личные отношения.

На этот период весь наш «профсоюз» и все активы в виде долей в фирмах, фирмочках, банках, адвокатских бюро и так далее плотно склеились с жизнедеятельностью «рыночного» монстра, он был основной статьёй дохода, причём постоянной, и такой поворот был не совсем понятен.

В конечном итоге всё это я счёл отсебятиной, не прошедшей критику старшего брата, и счёл основной причиной столь навязчивого приглашения на празднование этого Нового Года.

Разумеется, при первой же встрече я ввёл в курс дела Андрея, и удивился его реакции, лениво соглашательской: «Ну, делай». Потом он назовёт это дело, именно так, как оно получилось, единственно нужным покушением из всех, о которых он помнил. А произведённый фурор от манеры исполнения превзошёл все ожидания, даже несмотря на то, что поставленная цель не была достигнута.

По всей видимости, по манере исполнения и его сложности, Таранцев понял, что его достанут в любом месте и с любой охраной, а якобы осечка – вовсе не случайна, но предупреждение.

Собственно, после того, как я понял, что произошло непоправимое, и выстрелы прозвучали в неустановленное время, пришлось объяснить Олегу, что мною было отдано предпочтение акции устрашения по сравнению с нерациональным убийством. Последний был в восторге от происшедшего, и нюансы его уже не волновали. Шумиха вокруг оригинальности устройства и его использования успокоила его гордыню, а объяснение показалось удачным и чуть ли не самым им подсказанным. Но это после, а сейчас я поднимался на лифте на свой этаж в отеле, и лишь радостная улыбка любимой женщины начала приводить меня в чувство...

Переодевшись, мы отправились пешком в один из двух излюбленных китайских ресторанчиков, где сразу на пороге встретились с четой банкира и адвокатом. Позже к нам присоединилась ещё одна пара бизнесменов-туристов. Жизнь начинала постепенно набирать обороты, на которые мы с Иришкой так надеялись в самолёте.

Все проблемы остались за бортом этого замечательного острова, хотя иголки, сделанного Олегом предложения, иногда заставляли волноваться разум.

1994 год

В один из приездов в Москву, из телефонных переговоров кого-то из «Измайловских», стало понятно, что «Аксён» сотоварищи посетят проходящие в Лужниках соревнования по единоборствам. До них оставалась пара дней, и я занялся тщательным осмотром прилегающих территорий и подбором места для «лежбища». Оптимальным оказался высокий склон на противоположном берегу Москвы-реки, место было идеально и по отходу, и по «работе» – тихое, безлюдное и никем не посещаемое, лишь невдалеке, метрах в ста, стоял небольшой храм. Проблема могла возникнуть из-за плохого освещения стоянок около спортивного комплекса – когда приходится «работать» с расстояния почти в 500 метров, уровень света играет важную роль.

Я довольствовался шестикратной оптикой с хорошей светопропускной способностью и с подсвечивающимся перекрестием. Винтовку выбрал «Heckler & Koch» G3. Прихватив с собой бинокль «Сваровски» – подарок «Культика», одевшись потеплее и захватив маскхалат собственного производства, отправился на заранее присмотренную и подготовленную позицию. Долго к ней подбирался, стараясь определить, с какого расстояния она различаема. В принципе, даже понимающий человек ничего не заподозрил бы, стоя в метре от неё.

Два человека, помогающих мне, были уже в спортивном комплексе, вся их помощь заключалась в определении местонахождения «цели», места парковки машины и времени выхода к ней.

Половина столбов с освещением не работала, и понять, кто есть кто, если выходила компания из нескольких молодых людей, было тяжело, поэтому рассчитывать приходилось лишь на вторичные признаки: рост, одежду, комплектацию, машину, поведение. На всякий случай я приготовил обезличенный мобильный телефон, чтобы позвонив и дождавшись ответа, понять, кто берёт трубку (один номер телефона «Аксена» я знал).

«Соратники» уже обнаружили Сергея, но место парковки было приблизительным, хотя и точно на набережной. Моё тело начинало затекать, гарнитура рации неудобно давила на шею, ощущалось напряжение из-за темноты, глаза чесались и слезились от промозглого ветра. К оптике постоянно приходилось прикладываться, страхуясь, проверяя каждого из часто выходящих на стоянку людей. Был бы день – ничего страшного. Рядом смердела сдохшая собака, но менять я ничего не стал.

В пищу «пошёл» второй «сникерс». Ничего не говорило о столь долгом времени сегодняшнего мероприятия, и я в этот раз явно не рассчитал, с утра выпив в сумме около литра жидкости, что вкупе с замёрзшими ногами, уже давало о себе знать. Губы пересохли и обветрились, не помогал ни крем, ни приложенная перчатка, начинало знобить, в общем, всё как всегда – мёрзлой морде и ветер навстречу.

Пару раз запрашивал связь, на всякий случай, узнавая, не изменилось ли что-то внутри. Появилось предчувствие какой-то неожиданности, и она не заставила себя ждать. Из выхода вывалило несколько человека «в коже», на мои вызовы по рации никто не отвечал, и я перестал это делать, поняв, что полагаться придётся только на себя. Под «ложечкой ёкнуло», заныло солнечное сплетение, чуть опускаясь, горячим жаром книзу. Не разбираясь, кто это, я почувствовал – он!

Удобно обхватил винтовку, видно было неплохо, но лица пока ещё оставались неразличимы – банально надёжный «Карл Цейс» отработывал свою немалую цену, и я ещё надеялся, при приближении людей к машинам, разглядеть точнее, кто есть кто. Они должны были пройти по небольшому пространству, освещаемому, похоже, единственным фонарём. Я водил стволом от одного к другому, наводя перекрестие на каждого из них: вся группа помещалась в полную луну, среди которой высоким ростом выделялось двое. Один из них – «Аксён».

Чем он так перешёл дорогу? В подобной ситуации о важности таких вопросов думать не стоит – всё должно быть определено заранее, к тому же, тогда ещё живой «Культик» торопил и торопил, и сегодня была возможность прекратить эту дикую гонку.

Ещё раз вызвал по очереди обоих «соратников», но рации молчали. Вышедшие из комплекса уже подходили к машинам, времени оставались секунды, но я был явно не готов выбирать. Оставался телефон, но то ли связь барахлила, то ли это не входило в планы Провидения. Мне даже показалось, что я слышал звонок, но, похоже, поздно.

Вдруг тот, что стоял у «Grand Cherokee», полез в карман, явно собираясь ответить на вызов до посадки в салон. Вот уже и перекрестье на месте, и дыхание в порядке. Сняв с предохранителя и поглаживая спусковой крючок, я так и не решился стрелять наобум из-за моргающего – то потухающего, то загорающегося – света уличного освещения, да и, честно говоря, лицо я так и не разобрал. Стрелять нельзя... звонок закончился.

Парни быстро попрыгали в машины, будто погасшее освещение было сигналом опасности, что собственно говоря так и было.

Вторые номера сегодня подвели, что имело грандиозные последствия после. Сегодня о них мы уже знаем, начиная с гибели Ананьевского...

Я ругался на себя, ругал балбесов, почему-то выключивших рации, но от души что-то отлегло, злоба прошла – видно, в глубине души всё-таки что-то радовалось оставшейся чужой жизни. Да и кто я такой, чтобы отбирать её? Собравшись и загружаясь через полчаса в машину, стоявшую примерно в километре, я ощутил прилив хорошего настроения и лишь пожурил своих подчинённых, воспользовавшихся перерывом между выступлениями не по назначению и понадеявшихся друг на друга. Всё же рассчитывать нужно всегда на себя. Но раз так вышло, значит так и должно было быть.

Братья Пылёвы

«Один, глядя в лужу, видит в ней грязь, другой – звёзды».

И. Кант

Олег

После прихода к власти, нас станут считать чудовищами, на что нам, конечно, наплевать.

Мордехай Леви

Какими были отношения между двумя Пылёвыми, это, видимо, останется тайной, ибо и сам человек их рассматривает со своей точки зрения, сам же, по-своему, их объясняя и оправдывая. Мы лишь в состоянии только приподнять завесу, оголив то, что было и так на поверхности.

Окружающие тебя друзья скажут и о тебе самом, и за тебя.

Олег собирал «камни» мощные, готовые на всё, предпочитая интеллекты ниже своего, зачастую ошибаясь, но, не обращая на это внимание, так или иначе заставляя подчиняться не за совесть, а за страх. Кнут здесь играл роль основную и подавляющую, а не сдерживающую, пряник же был мелковат, а часто вообще чёрствый.

Каждое движение, взгляд, указание говорили об уверенности, что неподчинение будет иметь последствия, а приказы будут в любом случае выполнены. Разумеется, таким он стал не сразу, и ещё при живом Григории ненавидел всё то, чем напился позже сам.

Попытки выглядеть аристократом, в том числе и за счёт преклонения окружающих и кучи тратящихся денег, не могли заместить не хватающего с рождения воспитания, не совсем соответствующих лидеру черт характера, хотя харизматичность и присутствовала. Всё им деланное имело вид средней руки срежиссированного спектакля.

Можно сколько угодно за день менять носки, одевая новые и просто выбрасывая старые, как угодно муштровать кортеж, тебя сопровождающий, требовать, чтобы называли Олегом Александровичем, иметь постоянно обновляемый гардероб, носить сделанные по заказу часы и украшения, с предпочтением Rolex и Cartier, и при этом оставаться всё той же шпаной, какой он был в середине 80-х, когда получил первый срок за избиение дружинника, только под необоснованно дорогой оболочкой.

«Обслуживающего персонала» было предостаточно, и каждый проверен и запятнан кровью, достаточно назвать «Булочника», «Мясного», Рому «Москва», и «Кондрата», у которых на четверых – несколько десятков трупов, доказанных в суде. Характерная черта этой близости к «Солнцу» – частая гибель приближающихся «Икаров», и маленький процент всё же оставшихся в живых, старающихся быть в тени «Дедалов». Вот только родства между ними, в отличие от мифологических, никакого, хотя совру, если не напомним, что всё-таки два сына, на крестинах которых он стал их крёстным отцом, всё же дожидаются его молитв за упокой их душ.

Авторитарный характер, не терпящий ни поправок, ни разъяснений причин, ни, тем более, критики, жажда власти, и власти необычной – не только над людьми, но и их жизнями. В том числе, где при прочтении проскрипций, написанных им, запятая в «казнить нельзя помиловать» почти всегда ставилась после первого слова, что, как ни странно, только помогало управлять людьми. Но, как известно, тирания, держащаяся на штыках и репрессиях, всё же когда-нибудь рухнет, что и констатировал в свое время Наполеон Бонапарт в шутливой форме, а он уж точно знал, о чем говорил: «Штыком можно сделать многое, но на нём нельзя сидеть».

Единственное, что он не учитывал, – одно из главных правил разведчика, гласящее: «Не пытайся вербовать человека с более высоким интеллектом, чем обладаешь сам», скорее всего, он тебя переиграет. Но неправильно поставленная самооценка зашкаливала все мыслимые границы, давала неправильный старт, что делало тактику ущербной, а стратегию – провальной. Это приводило к частому краху многочисленных операций, начинавшихся, как правило, с обработки людей, которые должны были стать шурупиками, винтиками, шайбочками, осями и так далее в задуманном им механизме, в котором ему было понятно лишь предназначение, но не работа механики, потому и были сбои, из-за этого и гибли так называемые «курочки, несущие золотые яйца», и выбирались проекты с моментальной наживой, в противовес длительным и далеко идущим планам с медленно, но верно набирающими обороты бизнесами и прибылями.

Постепенно люди становились послушными, кто – от внимания, проявленного в начале общения, кто – от щедрости, сначала показавшейся таковой и постепенно сходящей на нет, а кто – от кажущегося величия, к которому можно было быть близко: гордыня человеческая на всё падка.

Олег Пылев (третий слева) с другом Андреем на своем дне рождения. Начало власти братьев

Сначала товарищи, потом слуги, после рабы. Но кто был рабом больше, и рабом чего? Мудрость гласит: «Всякий, пребывающий в грехе, есть раб греха» (Евангелие II – 35).

Представьте себе молодых амбициозных парней, крепких и почти на всё, кроме убийства, готовых, они желают покорить мир и стать его хозяевами. В виде трамплина эти пассионарии выбирают Олега и губят свои гены для потомства – все подобные им на протяжении всей истории человечества подчинялись чужим амбициям под воздействием своих, веря и в свою звезду, но покоряясь чужой власти. Совершая именно убийство себя, но всё равно считая мир покорённым, а себя – над ним властными, уверяясь в этом, как минимум, взглядами, испугом и уважением, как им кажется, остального, более слабого, большинства.

Запнуться такой может о равного себе – такого же раба и такого же «хозяина». Они хищники снаружи, и хищниками же умирают, зачастую добываемые своими же.

Мужчины – хищники, но далеко не все. Под стволом пистолета, на допросе у следователя, перед лицом медленной, но верно одолевающей опасности происходит преобразование волка, боящегося поднять взгляд на то, чем они казались себе сами.

Так что ты видишь в зеркале, глядя на своё отражение? Каждый из нас в глубине души знает, кто он и какой он. Но стоит поверить обману о себе самом, возвеличить себя в своих глазах и стечением обстоятельств вырасти в авторитете перед другими – и вот уже рождён сверхчеловек, совсем забывший, что стал таковым, возможно, с чьей-то помощью.

Впервые вступившему на путь скользкого криминала, далеко не всегда понятно, что он делает.

Подавляющему большинству из живущих в этом мире приходилось лгать, и прежде всего – себе (здесь я часто говорю об этом – ибо это и есть то, с чего начинается рабство гордыни, а значит и предтеча всех бед). Такая ложь становится привычкой, и даже человек, поставивший во главу угла принцип «правда и только правда», может лгать незаметно для самого себя, просто не зная: то, что воспринимается им как истина, на деле – подделка!

Софистика не выдумана во времена Сократа и Ксенофонта, удачно и выгодно преподаваемая при Платоне и Аристотеле, – это одна из личин каждого из нас, порождающая множество. Их может быть несколько: перед друзьями, женой, другие мы и перед самим собой, а настоящие – лишь перед Создателем. Но как часто мы видим гораздо большее множество, и счастлив тот, кто сможет быть самим собой, в единственном лице. Но такое счастье тяжелее любого креста когда либо носимого человеком, захочет ли кто-либо из нас взвалить его, ничего за это здесь не имея?!

Если каждую из личин угадать и хоть чуть польстить ей, можно легко научиться управлять человеком – говори ему только то, что он хочет слышать, или дай ему спасти себя хотя бы на вечер, и перед тобой откроется то, что может пленить навсегда. Достаточно одной слабости, не вовремя проявленной, и сильного и выдающегося можно подцепить и сыграть «на слабо».

На аллее несбывшихся надежд – могила Гусятинского

Были те, которые не могли быть просто рядом со «светилом», но требовали всем своим естеством большего. В них тоже нуждались, потому что вести большое «стадо» постоянно голодных хищников, и опасно и пагубно, но делать это проще, если среди них есть свои вожаки.

Остаётся только устроить их зависимость от себя и убедить в опасности, в случае отсутствия собственной персоны, страхуя посягательство на свой «трон». Их было меньше, но, по странному стечению обстоятельств, они были сильнее сидящих наверху, и по тому же странному стечению обстоятельств, они обладали ещё одним качеством – преданностью.

По логике вещей, на место Гриши пришли более выдающиеся, которые должны были заместиться ещё лучшими. Так и произошло бы, как бывало, когда гибли предшествующие, но судьба лучше знает, что делать.

Время шло, многое менялось, спираль времени для нас закручивалась внутрь, чтобы позже раскрутиться вовне. Олег, видя, что не только он, но и окружающие, поверили в него, достиг состояния, о котором я прочитал позже у Силуана Афонского – о влиянии гордыни на рассудок: «Я исследовал всё, и нигде не нашёл большего себе, следовательно я – Бог». Если не ошибаюсь, это девиз одной из ранних школ философии в Элладе.

Отдадим должное способностям Пылёва младшего: интуитивно чаще делая правильный выбор на сегодняшний день, чем решая проблемы и находя выходы, обеспечивался лишь только сегодняшний день. Тем самым день завтрашний всё больше и больше представлял собой чёрную дыру, засасывая всё окружение, включая не только ребят, но и их родственников.

В начале 90-х я помню его, как казалось тогда, неплохим человеком, хотя мои наблюдения были поверхностны, прежде всего – из-за единичных встреч, при которых личных бесед, разумеется, почти не велось. Был ли он действительно таким или изменился, почувствовав вкус денег и власти, а позже прибавив к этому и страх их потери, ответить сейчас я не могу.

Андрей

Дураков подчини и эксплуатируй, умных и сильных старайся сделать своими союзниками, но помни, что те и другие, должны быть твоими орудиями, если ты в самом деле умнее их, будь всегда с хищниками, а не с их жертвами, презирай неудачников, поклоняйся успеху.

Князь Талейран

Андрей Пылёв, старший из братьев, – если и не полная противоположность младшему, то во многом отличная личность, и личность сильная. Но если в Олеге выражены качества ведущего, причём безоглядно и слепо, то у старшего – скорее ведомого, но думающего и осторожного. Ему не нужны поклонения со стороны, хотя и их было достаточно, но, в случае чего, он мог находиться и в одиночестве от соратников. Правда, со временем он перестал обслуживать свои потребности сам и, в конце концов, даже забыл, как заваривать чай, отдав всё это в руки супруги, иногда беспомощно ожидая, когда сварят кашу и подадут ложку, так как даже не знал, где они хранятся. Впрочем, для современного мужчины это причуда, встречающаяся достаточно часто.

С юношеских лет думая о карьере отнюдь не криминальной, а в силовых ведомствах, он имел мечту о службе в КГБ и, как трамплин, выбрал срочную службу в пограничных войсках, где был выделен командованием и отмечен за неоднократную поимку нарушителей границы.

Всё складывалось неплохо, поданные документы на поступление в Высшую школу приняли, но вдруг арестованный и осуждённый братец «запятнал» биографию, и с мечтой пришлось расстаться. Пустое место заполнила профессия мясника, работа столь же трудная, как и выгодная, приносящая неплохой доход и обширные возможности, которым пользовался и Олег, уже освободившийся на тот период, забирая излишек мяса в «крышуемый» им ресторанчик. Потихоньку сложился коллектив, к которому со временем примкнул и Андрей. Как это произошло, для меня и по сей день тайна. Команда эта выковала из своих членов будущих «главшпанов», успешно позже соперничающих друг с другом, многие – вплоть до гробовой

доски. И на сегодняшний день братья – чуть ли не единственные, кто остался жив из того сплочённого содружества, весело разъезжавшего по предместьям «Медведково» и «Бибирево» на стареньком «Москвиче» – «каблучке», перед подъездом которого закрывались палатки и разбегались торговцы. Ну, а кто не спрятался, тот сам виноват.

Характер сильный, но податливый, а разум совсем не кровожадный, избегающий лишнего кровопролития, но всё же признающий его необходимость в некоторых случаях. Как мне кажется, жизнь в отрыве от родины (если мне не изменяет память, с 1995 года) создала несколько ошибочное представление о состоянии дел в России, чем умело пользовались и Олег, и Таранцев, и даже «Ося», сподвигая его на всякого рода некорректные решения. Со временем он стал считать себя бизнесменом, причём удачливым и состоявшимся, хотя, думаю, что понимал: бизнес этот держится на крови и страхе, а не на его талантах. Последнее, пожалуй, можно назвать лёгкой манией, как и его убеждённость в том, что перед законом он чист, и именно поэтому не хотел переходить под закат своей «карьеры» на нелегальное положение, в шутку оправдываясь, что без семьи умрёт с голоду, нуждаясь в обслуживании.

***В теплых краях (Неизвестный, Ося,
Ананьевский, Шарапов, А. Пылев, Гусятинский)***

Личное отсутствие плодило часто ложные и преувеличенные доклады и несанкционированные действия тех, кто раньше вздрагивал от одновременного посещения двух родственников. Причина же была в элементарной некомпетентности босса и чрезмерной, вынужденной доверчивости.

Я не был ни разу свидетелем решений, принятых троицей: «Ося», Андрей и Олег, да и троица вряд ли была. Лишь слышал и получал их последствия в виде указаний, просьб и общих повествований. Не могу так же сказать, что все трое были в курсе всех планов, хотя, возможно, и общих. Почему возможно? Потому, что у каждого на эти планы были свои виды, и уж точно планы Олега и Андрея с «Осиными» могли различаться и различились.

Машкерат главшпанов

Общность, союзность и совместная заинтересованность только на словах могут быть равны. Что точно соблюдалось – это ранее оговоренные доли, хотя и здесь иногда возникали некоторые изменения, скажем, из-за затрат, амортизации, изменения себестоимости, количества учредителей, разумеется, всевозможных непредсказуемых катаклизмов, что бывало – от дефолта, до гибели одного из участников, или якобы из-за этого. Суммы падали, а объяснения в их уменьшении, по всей видимости, находили своё удовлетворение.

Полагаю, что со временем отношения между «Осей» и братьями не распределились по ответственности каждого из них за свой сектор, как принято у нас: Андрей – за финансы и связи, Олег – за всякого рода «военные действия», – так как у Буторина была своя, достаточно развитая инфраструктура, самодостаточная и способная решать любые задачи. В этом смысле организованного сообщества, предъявленного нам на суде, в виде статьи 210 УК РФ, я не вижу. Но, в связи с принятыми предложениями инвестиций в общие проекты, возникали и общие интересы, так же, как пользовались связями, которых не доставало у себя, услужливо предоставленными «партнёрами». Так же «у партнёров» пользовались и услугами всякого рода не конфиденциального плана, в случаях, когда это было удобнее. Всё бы ничего, и даже звучит приятно и презентабельно, если бы не привычка решать некоторые проблемные вещи с помощью, ну совсем уже, неприемлемых для закона методов.

Могила Оси возможно ставшая бы для него лучшим выходом...

В свете сказанного, думаю, что общение между «Осей» и Андреем проходило гораздо чаще, но касалось, в основном, деловых тем. Зная последнего, убеждён: Пылёв старался всеми силами обходить острые силовые вопросы, ссылаясь на Олега и, скорее всего, достигнув соглашения, в случае необходимости, предлагал сводить начальствующих более низкими звеньями, скажем: «Пусть Вася позвонит Пете, и пусть нюансы обговаривают сами». Тем самым вроде бы самоустраиваясь и не совсем находясь в курсе происходящего, тем более что курировать эти

вопросы взялся с нашей стороны Олег, поэтому всё автоматически перетекало после подобной фразы и созвона Васи и Пети под контроль младшего Пылёва.

Но всё же в некоторых случаях, понимая необходимость принятия экстраординарных мер, Андрей выносил проблему на общее обсуждение, преподнося это как необходимость принять решение, заведомо понимая, какое решение будет принято.

С другой стороны, ему не оставалось ничего иного, ввиду невозможности предпринять иное по простой причине недоразвитости нашего «профсоюза» и «недоделанности» его как финансовой структуры, а так же из-за низкого уровня людей, пытавшихся им руководить. Я не говорю здесь о профессионалах в банковской или юридической и финансовой сферах, а о тех, кто пытался себя поставить на одну доску с ними. Нужно понимать, что именно они, в том числе и частично включая «Русское золото», пытались определить и подтолкнуть дело в нужном, как им казалось, направлении, думаю, не особенно прислушиваясь к тем или иным предложениям, так как при осуществлении этих предложенных мероприятий, вложения этих финансовых средств и схем, они: а) вряд ли могли их понять, б) вряд ли могли проконтролировать предлагаемое.

Злейшие друзья (А. Пылёв и Усатый)

Итак, Андрей был сдерживающим фактором, и кто знает, скольким пришлось бы ещё расстаться с жизнями, если б не его взвешенный подход, хотя и он под напором иногда давал сбои. Но к тому времени я был уже совсем другим человеком и совсем в другой ситуации, а после предложения «убрать» главного опера и человека, возглавляющего следственную группу, ведущую дело нашего «профсоюза», почти перестал с ним общаться, хотя, не скрою, кое-что предпринимал и через некоторое время знал, как выглядят эти господа, и где их можно найти – понятно, ради своей же безопасности. Как-то их нетерпение встретиться со мной не вызывало ответного желания у меня.

Заметим, что старший Пылёв, если бы и осмелился задуматься об убийстве людей, возглавляющих оперативные и следственные действия, то вряд ли решился бы что-нибудь принять сам из-за понимания, что это в конечном итоге, как минимум, ни к чему не приведет, – появятся новые люди, и не факт, что худшие, а главное – с большим желанием найти и, теперь уже, отомстить за своих.

Но факт оставался фактом, хоть я и получил указание из его уст и направление вектора, где искать, но исходило оно, думаю, не от него, а от Буторина, который вряд ли питал иллюзии в отношении себя после задержания и всеми возможными методами пытался его избежать хотя бы сегодня, не задумываясь о завтрашнем дне.

По всей видимости, подобными мыслями обуславливается его поведение и во время экстрадиции ровно на полгода, произошедшей в самом начале века. Поведение его в отношении следственной группы было дерзким и предостерегающим, видимо, подкреплённое уверенностью моей и, возможно, еще чьей-то «работы» в этом направлении. Во всяком случае, вероятно, имея в виду его настоящую экстрадицию на Родину, которая тогда казалась невероятной, у него часто вырывались вместо ответов фразы: «Вы до того времени ещё доживите...».

Каким тогда ему казалось грядущее, мы можем только предполагать.

Желание Андрея ничего не менять внутри инфраструктуры и привело к краху. А произошедшее в конце-концов, задержание братьев уменьшало и мои шансы. Хотя всё, что нужно было сделать мне – оставить семью. Но это было всем, что у меня имелось, и я решил пожить как человек, сколько будет отмерено. В отличие от братьев, у меня было совершенно чёткое понимание долгов перед законом, которые могли, с большой долей вероятности, привести к распылению всех надежд, да и самой жизни, ведь подавляющее большинство статей Уголовного кодекса, которые могли ко мне применяться, статьи «расстрельные». Наверное, я был единственный, не строящий иллюзий и готовый ко всему, «чахнувший», как «Кашей» над золотом, над своей семейной идиллией, понимая её возможную временность. Правда, имелась ещё одна уверенность, которая позволяла быть более менее спокойным, – я был уверен, что, скорее всего, не переживу задержания и получу пулю во время его проведения. Да и привитая с детства привычка не отказываться от принятого решения тоже сыграла свою роль. Но были и кое-какие мысли, иногда находившие подтверждение у куратора – «покупателя».

Так что причины оставаться в семьях и у Андрея, и у меня были, хотя и несколько разные, что не особенно повлияло на дальнейшие события и срок.

Моё отношение к старшему Пылёву было, скорее, уважительное – возможно, и из-за умения обустроить свою жизнь, и за чисто человеческие характеристики. При встрече он был всегда расположен к собеседнику, уважительно относясь к нему и не позволяя себе унижительных выпадов и, тем более, оскорблений. В его доме царили тишина и спокойствие, охраняемые заботливой хозяйкой, которой он, казалось, подчинялся беспрекословно, хотя, думаю, это было всего лишь одним из правил. От него не исходило никакой видимой опасности, с ним я знал, где и кого остерегаться, будучи козырем его и его брата, благодаря чему и мог позволить себе несколько больше других.

Никогда я не смог бы убедить Олега в отсутствии опасности, исходящей от моей гражданской супруги, в те дни, когда насильно увёз её на Канарские острова. И если бы не Андрей со своей разумностью, быть бы кровопролитию. Хотя, возможно, это был обыкновенный рационализм, замешанный на здравом смысле. Но все же проблема улеглась именно благодаря ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.